

У КАЖДОГО СВОЙ ДЕВИЗ В ЖИЗНИ. МОЙ СОСТОИТ ВСЕГО ИЗ ТРЕХ СЛОВ: «ЦИОЛКОВСКИЙ, КОРОЛЕВ, ГАГАРИН».

Дважды Герой Советского Союза
летчик-космонавт СССР
Г. Т. БЕРЕГОВОЙ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
№ 2 (2583)
8 ЯНВАРЯ 1977
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Дорогие товарищи, друзья!

Новый 1977 год вступает на землю нашей Родины. В эти торжественные минуты мы окидываем мысленным взором все то, что свершено, что памятно и дорого сердцу каждого из нас.

1976 год войдет в летопись Отчизны как год XXV съезда партии — исторического рубежа в развитии советского общества, события огромного международного значения. В Отчетном докладе ЦК КПСС, с которым выступил на съезде товарищ Леонид Ильич Брежнев, в решениях съезда воплощены коллективный разум и воля ленинской партии, помыслы и стремления нашего народа.

Высокая политическая активность, ударный труд миллионов, широкий размах социалистического соревнования за повышение эффективности и качества работы — самое убедительное свидетельство решимости советских людей выполнить задачи, выдвинутые съездом. Только в 1976 году за счет перевыполнения планов страна получила дополнительно промышленной продукции на миллиарды рублей. Пущены новые фабрики, заводы и электростанции, вошли в строй действующих новые пути сообщения, нефте- и газопроводы, шахты и угольные разрезы. Родина гордится свершениями рабочих, инженеров, техников, ученых и отдает им дань глубокого уважения и признательности!

Порадовал нас замечательный успех, достигнутый в сельском хозяйстве. Колхозники и работники совхозов собрали наивысший за всю историю страны урожай зерновых, добились значительных успехов в производстве и заготовке хлопка и других сельскохозяйственных продуктов. Честь и хвала труженикам села, всем, кто выиграл напряженную битву за хлеб, кто, не покладая рук, трудится на полях и фермах!

Последовательно выполняется намеченная XXV съездом программа повышения материального и культурного благосостояния трудящихся. Возрастает их заработная плата, увеличиваются общественные фонды потребления. Свет новоселий зажегся в миллионах квартир. Построены многие сотни школ, больниц, детских садов и яслей, библиотек и клубов. Развиваются здравоохранение и просвещение, наука и культура.

Все наши достижения — результат плодотворного труда рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, всех народов Советского Союза, сплоченных в единую дружную семью. Честь и слава вам, дорогие соотечественники, за доблестный труд на благо нашей великой Родины!

Товарищи! Уходящий год был годом дальнейшего роста экономического могущества Советской страны, стран социалистического содружества, укрепления их сплоченности и международного авторитета. Это был год новых успехов мирового коммунистического и рабочего движения, важных побед молодых государств, завоевавших национальную независимость. Это был год активной борьбы за мир, демократию и социализм. Усилия Советского Союза, братских стран социализма, всех миролюбивых сил планеты позволили, вопреки сопротивлению агрессивных кругов, сделать мир на земле более надежным и прочным.

Коммунистическая партия, Советское государство последовательно и настойчиво проводят в жизнь принятую XXV съездом КПСС программу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Советский Союз, страны социализма выступили с важными инициативами, направленными на дальнейшее углубление разрядки, укрепление всеобщего мира, на решение насущной задачи наших дней — прекращение гонки вооружений.

Вступая в новый год, советские люди шлют горячие поздравления народам братских стран социализма, рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции капиталистических государств, народам развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки — всем, кто выступает против империализма, расизма, реакции и агрессии, всем борцам за мир, за социальный прогресс человечества.

Дорогие товарищи!

В наступающем 1977 году мы и наши друзья за рубежом будем отмечать 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Советский народ идет к этому большому празднику тесно сплоченным вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета. В стране создана творческая, созидательная атмосфера, в которой все полнее раскрывается подлинно демократический характер советского строя, социалистического образа жизни. Трудящиеся единодушно и полностью одобряют и поддерживают ленинскую внутреннюю и внешнюю политику КПСС, деятельность ее Центрального Комитета, Политбюро во главе с товарищем Л. И. Брежневым. В нерушимом единстве партии и народа — залог новых успехов нашего неуклонного движения вперед, к коммунизму.

Дорогие товарищи, друзья!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно поздравляют вас с наступающим Новым годом!

Горячо поздравляем рабочих и колхозников, советскую интеллигенцию, ветеранов революции, войн и труда!

Поздравляем наших замечательных женщин, славную советскую молодежь, наших доблестных воинов!

Шлем теплые поздравления тем, кто в эти минуты трудится у домен и мартенов, у пультов электростанций, на других производствах, тем, кто стоит на страже рубежей нашей любимой Отчизны!

Пусть все советские люди будут счастливы в новом году!

Крепкого здоровья, успехов в труде, учебе, творчестве всем вам, дорогие товарищи!

С Новым годом, с новым счастьем!

Центральный Комитет КПСС **Президиум Верховного Совета СССР** **Совет Министров СССР**

ГИГАНТ НА К

«Камский автомобильный комплекс и вместе с ним строящийся новый город Набережные Челны, отвечающий последним достижениям отечественного градостроительства,— это впечатляющий пример динамичного роста социалистической экономики, расцвета способностей и талантов наших людей, великих свершений и побед, одержанных под руководством партии Ленина».

Из приветствия Л. И. Брежнева участникам сооружения Камского автомобильного комплекса.

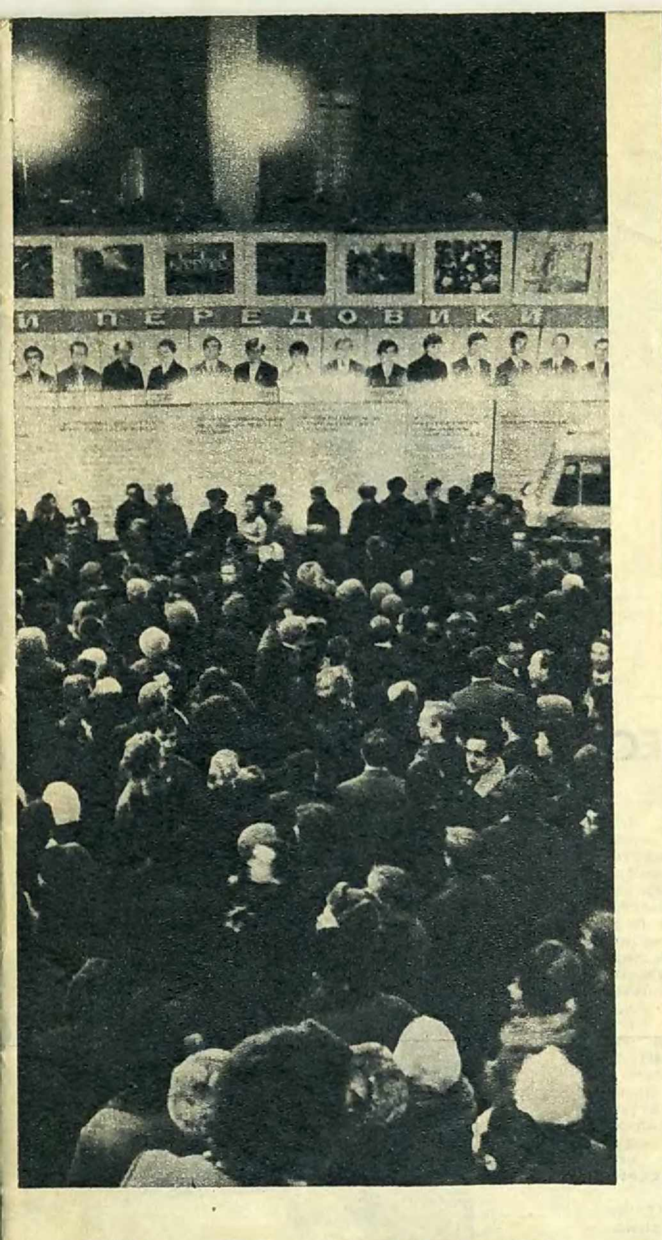
Галина КУЛИКОВСКАЯ
Фото Г. КОПОСОВА.

Декабрь 1976 года победным красным цветом вписал в историю КамАЗа три знаменательных дня.

28-е, вторник. С главного конвейера под бурю оваций сошел пятитысячный автомобиль. Радость была законной: предполагалось выпустить 4000, а сделали 5000 КАМАЗов! Это потребовало немалых усилий, напряжения воли тысяч и тысяч людей, стоявших на стодневной ударной вахте. Торжество напомнило всем собравшимся в корпусе автосборочного завода вьюжный февральский день 1976 года, когда с конвейера сошли первые машины — подарок XXV съезду КПСС.

Пятитысячный КАМАЗ у водителя-испытателя Вячеслава Мушникова принял делегат XXV съезда КПСС, Герой Социалистического Труда Сергей Андреевич Попов (на снимке справа). Ради этого события знатный водитель приехал из Ленинграда.

29-е, среда. Государственная комиссия под председательством министра автомобильной промышленности СССР В. Н. Полякова подписала акт о приеме первой очереди Камского комплекса заводов по производству большегрузных автомобилей. Долгожданный час пробил! Только тот, кто шел к нему от первого кубометра грунта, взятого в пустынном снежном поле, от первого кубометра бетона, уложен-

АМЕ

ного в фундамент корпуса ремонтно-инструментального завода, кто стремился к этому часу от первого станка, подключенного к току, знает истинную полновесность и емкость этих коротких слов: «Первая очередь». Две тысячи пятьсот дней и ночей продолжалась битва за автомобильный комплекс и город. И город прорастал из горсточки одряхлевших деревянных домишек светлыми кварталами и проспектами. И во весь свой батырский рост вставали из вывороченных наизнанку пластов земли белокаменные флотилии заводских корпусов. Отныне гигант, который строила вся страна, ожил, заступил на рабочую смену. Но битва за КамАЗ продолжается. В трудовом рапорте, принятом на торжественном собрании в тот же день, строители, монтажники и автозаводцы обязались ускорить создание и освоение мощностей второй очереди.

31-е, пятница. Последний день старого года. Ликуют Набережные Челны: в газетах опубликовано приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. В нем высочайшая оценка свершенному: «Я глубоко убежден, что пройдут годы, но все советские люди будут с гордостью вспоминать о трудовом подвиге на Каме».

Этот подвиг совершила молодежь. 22 года — таков средний возраст строителей первых лет. Их главный лозунг звучал задорно и окрыляюще: «Отцы Магнитку строили, мы — КамАЗ!» КамАЗ, так же как БАМ, уже становится символом трудового подвига и технического совершенства на ступенях десятого пятилетия.

Юный КамАЗ рождения 1976 года живет, трудится и работает на коммунизм!

200 000 и 3 000 000

Пятьдесят два года назад, в ноябре 1924-го, на Красную площадь выехали первые советские автомобили АМО-Ф-15, положившие начало отечественному автомобилестроению. С тех пор десятки заводов-автогигантов выросли в нашей стране, выпущены миллионы легковых, грузовых машин, автобусов. Своеобразной традицией стало отмечать «круглые цифры» производства автомобилей. Такие праздники совпали с последними днями прошлого года на Московском автомобильном заводе имени Лихачева и Волжском автомобильном заводе имени 50-летия СССР в городе Тольятти.

Двухсоттысячный с начала года автомобиль выпущен 25 декабря на ЗИЛе. Подобной производительности завод еще никогда не показывал. В этом достижении — многолетний напряженный поиск инженеров и конструкторов, поистине героические усилия рабочих, техников, всего коллектива зиловцев. И торжество на заводе, посвященное выпуску юбилейного автомобиля, стало праздником трудовых почнов, высокого качества работы, растущей славы знаменитого предприятия.

За шесть лет автозаводцы Тольятти достигли рубежа, какого еще не знало отечественное автомобилестроение. Казалось бы, совсем недавно, в августе 1970 года, с конвейера сошел первый из «Жигулей», а 28 декабря 1976-го из цеха выехал автомобиль с транспарантом «Принимай, Родина, 3 000 000!».

В те же предновогодние дни автозаводцы отметили событие, связанное с еще одной цифрой: 25 тысяч машин дополнительно к плану изготовлено в 1976 году.

А в лабораториях завода уже создаются опытные образцы незнакомых нам «Жигулей» модели ВАЗ-2105. Эта машина станет детищем нынешней, десятой пятилетки.

Б. СМИРНОВ

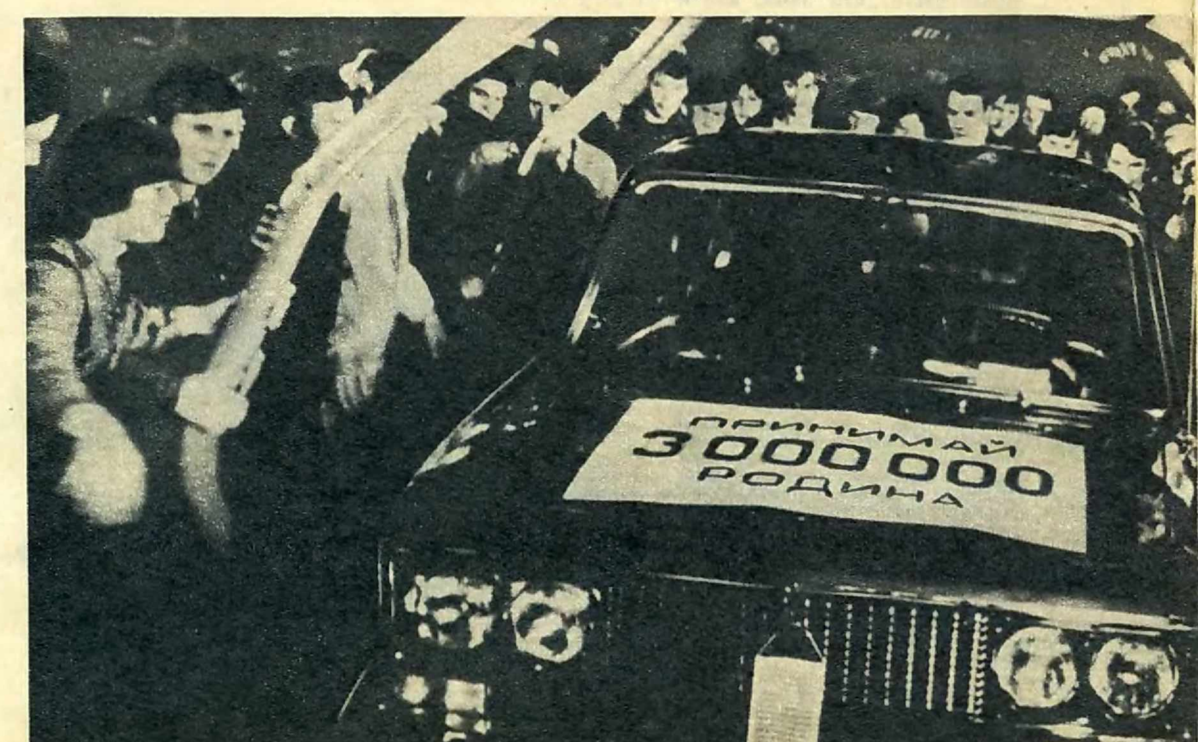
Право собрать 200-тысячный грузовик завоевала комсомольско-молодежная смена коммуниста Д. Ф. Кацебы (в центре).

Фото В. Соболева (ТАСС)

Трехмиллионный автомобиль «Жигули» сходит с конвейера.

Фото Ю. Белозерова и В. Демченкова (ТАСС)

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

АЛМА-АТА

ДЕВУШКА ИЗ МЕДЕО

Что такое Медео, в общих чертах знают все. «Лучший ледовый стадион мира,— говорят о знаменитом катке звезды конькобежного спорта Мэрья Террен из Финляндии, Сигрид Сундбю из Норвегии, Моника Штютцле из ФРГ, журналисты, судьи, организаторы соревнований,— лед удивительный, особенно когда светит солнце...» В Медео за четверть века его существования было установлено более 50 мировых рекордов!

Как же в жаркой Алма-Ате создается такое ледяное чудо?

Спускаемся в машинный зал, наполненный равномерным гулом машин и установок. Тоненькая, коротко стриженная девушка, держа на отлете испачканные машинным маслом руки, представляется:

— Начальник холодильной службы Лидия Сергеевна Потапова.

Воспитанница Ленинградского технологического института холодильной промышленности, Потапова работает здесь всего два года. Но какие это были годы, сколько славы принесли они нашему спорту, и все благодаря тому, что конькобежцам был приготовлен отличный лед.

— Что же для этого нужно?

— Прежде всего кристально чистая вода,— отвечает на наш вопрос Лидия Сергеевна.— Второе условие — безупречная работа всех механизмов, электрослужб, котлов, ста семидесяти пяти километров труб. Одни трубы несут холод под бетонное поле катка и замораживают медленно наливающуюся воду, другие, наоборот, тепло — гостиницам, плавательному бассейну, душам и столовым...

Коллеги по работе считают Л. С. Потапову лучшим специалистом льда в Медео.

Н. ХРАБРОВА

Фото Г. Розова

СЫКТЫВКАР

ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ

В столицу Коми АССР недавно возвратилась из поездки по сельским районам республики совместная экспедиция коми и эстонских этнографов. О ее результатах рассказывает директор Государственного этнографического музея Эстонии А. Ю. Петерсон.

— Нет, наверное, надобности повторяться, что коми, как и эстонцы, принадлежат к угро-финской языковой группе. Материалы, собранные нами, еще раз подтверждают это. Старинные орудия труда, одежда говорят об экономических и культурных связях эстонцев и коми в далеком прошлом.

Два примера. У нас и у коми устройство для сушки зерна и деревенская борона были сходны не только в названиях. Во многом похожи орудия производства и постройки. Приятно поразили нас предметы домашнего обихода, украшения, покрой одежды, что называется, наших бабушек и дедушек, ковши, солонки, коньки на крышах зданий, выполненные в форме лося, птицы, орнамент одежды. Все это напоминает наше эстонское народное прикладное искусство.

— А наши этнографы привезли в Сыктывкар много экспонатов для будущего музея под открытым небом,— продолжает рассказ о результатах экспедиции сотрудница Коми республиканского краеведческого музея Н. А. Митюшева.— Неподалеку от столицы республики сохранилась маленькая деревушка Койтыбож. Обком партии, Совет Министров Коми АССР пошли нам навстречу: решено создать в этой деревушке своего рода этнографический памятник. В деревне-музее все будет поставлено так, как и было при жизни коми в конце XIX — начале XX века.

Г. ТУРЬЕВ

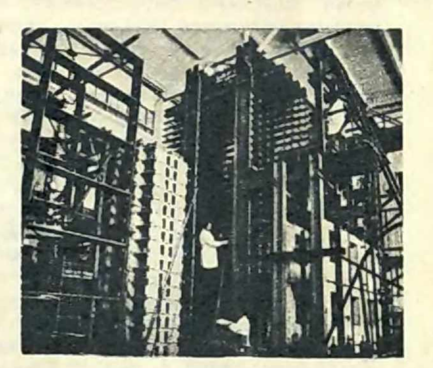
Фото Л. Галля

На снимке: предметы крестьянского обихода, привезенные экспедицией.

ТЕРМЕЗ

ЮЖНЫЕ ВОРОТА СТРАНЫ

КИЕВ

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ ПО ЗАКАЗУ

Город Термез на берегу широкой и по-морскому своенравной Амударьи все чаще называют Одессой Средней Азии. Солнечный и оживленный речной порт хорошо оснащен современной техникой. Отсюда в дружественный Афганистан идут суда с оборудованием для заводов, узлами бурильных установок и трубами для газовиков и геологов, сельскохозяйственными машинами, минеральными удобрениями. С левого же берега в Советский Союз речники доставляют традиционные товары афганского экспорта — цитрусовые, сухофрукты, каракуль, кожсырье. Различные грузы направляются также вверх и вниз по реке — в адрес хлопкоробов, животноводов, целинников, строителей Узбекистана, Туркмении, Таджикистана.

А. Покотилов, Вяч. Костыря, собкор «Огонька»
Фото Н. Садыкова

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

ПУТЬ НА СЕВЕР

На вопросы «Огонька» отвечает начальник главка железнодорожного строительства Урала и Сибири Министерства транспортного строительства СССР Н. И. Казьмин.

— В нефтяную столицу Западной Сибири Нижневартовск недавно пришел первый поезд по новой железной дороге. Скажите, Николай Иванович, почему стало необходимо строительство этой дороги в столь суровом краю?

— Среднее Приобье и север Тюменской области стали сейчас главными нефте- и газодобывающими районами страны. К 1980 году их роль еще больше возрастет. На этой сырьевой базе будут построены гигантские Томский нефтехимический комбинат и Тобольский нефтехимический комплекс, новые города и поселки, отсюда к промышленным центрам страны будут проложены новые нитки нефте- и газопровода. Все это связано с перевозками миллионов тонн различных грузов. Существующая ныне в этом районе транспортная сеть не в состоянии справиться с их возрастающим потоком. Любопытна одна особенность в развитии этого края: здешние месторождения нефти и газа, города и поселки, выросшие на них, тяготеют к рекам. Это произошло вовсе не потому, что таковы тут геологические особенности. Просто реки долгое время оставались единственными транспортными артериями, по которым геологи, добытчики нефти и газа, строители могли завозить все необходимое.

Сейчас геологи, а вслед за ними строители и промысловики уходят все дальше от рек. Объем работ и поток грузов год от года возрастают. Иными словами, пришло время, когда этот район уже не сможет развиваться нужными всему народному хозяйству страны темпами без надежного, действующего круглый год и относительно дешевого вида транспорта, каковым является железнодорожный.

После того, как новая железная дорога, перешагнув через Обь, пришла в Сургут, она разделилась на две ветви — одна пошла на север, к Уренгою, а другая — на восток, к Нижневартовску, столице Самотлора. Самотлор, наращивавший добычу нефти, заставил нас торопиться. И вот в ноябре 1976-го в Нижневартовск пришел первый поезд. Он доставил нефтяникам, строителям автомобили, бульдозеры, трубы, конструкции для жилых домов.

Строителям пришлось одолеть много трудностей — половина пути уложена по болотам глубиной в два и более метров. Позади — сто двадцать три искусственных сооружения, пятьдесят пять мостов. В строительстве дороги принимали участие коллективы более ста городов.

— А как обстоят дела на ветке, идущей к Уренгою? Прошлой весной там был уложен первый километр. До какого места дойдут пути в этом году?

— На этот вопрос трудно ответить. На двадцать четвертом километре от Сургута железнодорожная магистраль пересечет реку Тромъеган. На строительство трехсотметрового моста через него уйдет год...

— Выходит, будут проложены двадцать три километра, а потом придется ждать год.

— Ждать строители не будут. Еще прошлой зимой были переброшены механизированные колонны на участок севернее Тромъегана и строительно-монтажные поезда на сотый километр будущей магистрали и на двести четвертый, в районе Холмогорского месторождения. Так что отсыпка полотна и укладка пути начнутся сразу в нескольких точках, чтобы со временем эти отрезки могли соединиться в одну линию. К июлю 1977 года, когда мостовики планируют завершить переход через Тромъеган, уже будет готово примерно с полсотни километров пути, к концу года — сто. В 1978 году рельсы должны лечь до Холмогор.

— Трудная предстоит работа?

— Очень. На участке до Холмогор, например, нужно будет построить полтора десятка мостов через реки и речушки, десятки водопропускных сооружений — примерно по одному на два километра пути. К тому же мы все дальше уходим от Урала, откуда поступает камень, необходимый строительству.

Ближе к Уренгою магистраль вступит в зону вечной мерзлоты. Надежного опыта строительства железных дорог по вечной мерзлоте нет. Придется приобретать его на ходу. Но, я уверен, путейцы Тюмени справятся с этой задачей.

— Николай Иванович, логично было бы после Уренгоя продолжать магистраль дальше.

— Думаю, не ошибусь, предположив, что после Уренгоя дорога пойдет на восток и где-нибудь в районе Игарки пересечет Енисей, чтобы потом двинуться на север, к Норильску и Талнаху. Время покажет, как будут развиваться события. Помните начало дороги от Тюмени к Тобольску? Сургут виделся где-то в очень отдаленной перспективе. О Нижневартовске вообще речи не было, так как не был открыт Самотлор. Сейчас отсюда идет большая часть обской нефти. Сюда пришел первый железнодорожный состав.

Строить на века, строить в любых горногеологических условиях. Такую задачу решают сотрудники киевского зонального НИИ типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий. Один из цехов производственной базы этого института — испытательный полигон. Огромные макеты домов, отдельные их элементы здесь подвергаются суровым испытаниям. Сотни датчиков регистрируют при этом поведение зданий.

В институте ведется большая работа по созданию сейсмостойких блоков для жилищного строительства.

На снимке запечатлен момент подготовки к сеансу «землетрясения».

С. КАЛИНИЧЕВ
Фото И. Костина

МОСКВА

ЛЮБИМОЙ АКТРИСЕ

Недавно к старинному московскому дому, выходящему торцовой частью на улицу Герцена, а фасадом на улицу Огарева, в середине зимнего прохладного дня начал подходить народ. Сперва по одному, по двое. А к трем часам уже густая, плотная толпа — плечом к плечу — заполнила пространство вокруг дома, где жила, обдумывала и творила свои незабываемые сценические образы великая русская советская актриса Вера Николаевна Пашенная.

Начался митинг. Торжественное открытие мемориальной доски, которую создала скульптор А. М. Ненашева, заслуженный художник РСФСР, сопровождалось речами организаторов и участников митинга, посвященного памяти В. Н. Пашенной. Среди выступавших — заместитель министра культуры СССР К. В. Воронков, художественный руководитель Малого театра М. И. Царев, студенты Щепкинского училища...

На церемонии открытия мемориала присутствовала дочь Пашенной, народная артистка РСФСР И. В. Полонская.

Н. ПАВЛОВА

Фото Т. Кузнецовой и Г. Коносова

ГОД НОВЫЙ— ПРОБЛЕМЫ СТАРЫЕ

В минувшем году у трудящихся капиталистических стран Запада не было недостатка в надеждах на перемены. Состоялись выборы в США и ФРГ, изменился состав правительств в ряде государств. А предвыборные кампании, как известно, неотделимы от обещаний. Политические деятели и буржуазные экономисты предсказывали оживление деловой активности, снижение цен, рост занятости и т. д. и т. п.

Но не успели отгреметь избирательные баталии, как оптимистический настрой сменился разговорами о грядущих трудностях и несбывшихся надеждах. Итоги года оказались плачевными. В США безработица достигла почти 8 процентов. 7 миллионов 600 тысяч человек не могут найти работы. Обеспечение полной занятости было одним из главных предвыборных обещаний Дж. Картера, и именно оно обеспечило ему поддержку американских профсоюзов.

Что же впереди? Газета «Нью-Йорк таймс», журнал «Форчун» прямо пишут о «мрачных перспективах» на ближайшие месяцы. Безработицей охвачены не только Соединенные Штаты. По данным Международной организации труда, в промышленно развитых странах не имеют возможности прокормить себя и свои семьи 18 миллионов человек. А это, если учесть, что на каждые 100 работающих в этих странах приходится около 130 иждивенцев, значит, что безработица в капиталистическом мире обрекает в наступившем году по меньшей мере 42 миллиона человек на материальные лишения.

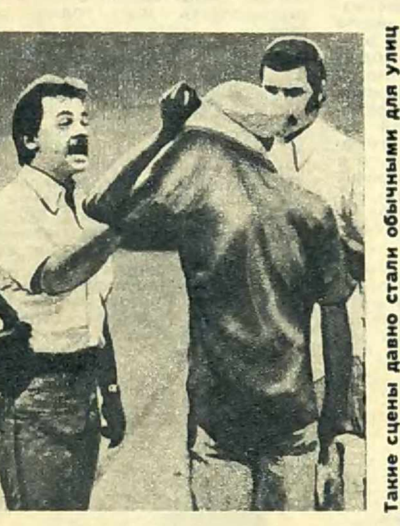
Другой бич капитализма — рост цен и инфляции — жестоко бьет по интересам простого народа. Темпы инфляции в конце минувшего года ускорились во всех капиталистических странах: в среднем она составила 8 процентов. За этим показателем — рост дороговизны всех основных товаров массового спроса. Во Франции, например, хлеб подорожал на 12,6 процента, мясо — на 11, птица — на 9, рыба — на 10, яйца — на 13 процентов.

Все послевоенные годы буржуазные политические деятели и их печать обещали при каждом удобном случае, что общество благоденствия не за горами. Но непрерывные кризисы и депрессия развеивают последние иллюзии. Все большее число трудящихся стран Запада начинает осознавать, что главная причина их бедствий — в самой природе капиталистического строя.

1

ОТЦЫ И ДЕТИ

Такие сцены давно стали обычными для улиц американских городов. Фото из журнала «Тайм»

Восьмидесятилетний Чарльз Бертч живет в Нью-Йорке, в перенаселенном строении Бронкса, с 1911 года. Недавно в 10 часов утра Бертч открыл дверь, чтобы выпустить свою собаку для обычной прогулки. «В следующий момент,— рассказывает он,— я оказался на полу. Восемь юнцов ворвались в помещение и принялись избивать меня палками. Они переворошили весь комод и нашли 60 долларов. Затем один из них приставил мне к горлу нож. «Ну что, прикончить его?» — спросил он у другого. Тот ответил: «Нет, босс будет против». Преступники скрылись, а Бертч смог подняться на ноги лишь к 6 часам вечера.

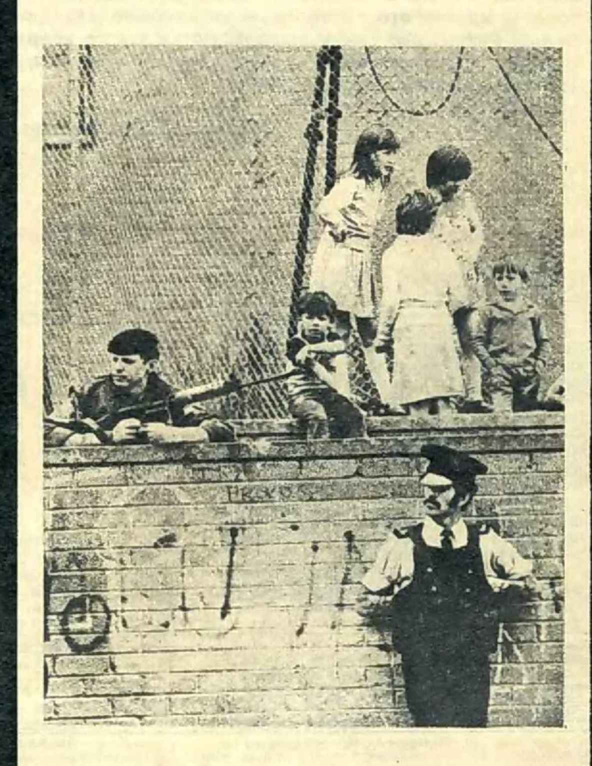
Волна преступности захлестнула Соединенные Штаты Америки, и ее жертвами становятся зачастую престарелые люди. Живущие в трущобах крупнейших городов страны, они страдают не только от голода, но и постоянного страха нападения, издевательств или убийства от руки молодых хулиганов. Когда старики выходят из дому — если выходят вообще,— то с тревогой прислушиваются, не идет ли кто-нибудь за ними следом, и с подозрительностью присматриваются к каждому приближающемуся незнакомцу. Во время прогулки некоторые сжимают в руке полицейский свисток. Но чаще всего, особенно после захода солнца, они остаются дома, ограничивая свой мир четырьмя стенами квартиры, которую превращают в крепость, запирая все окна и двери на замки и щеколды.

Нельзя сказать, чтобы в США не велась борьба с преступниками. Тюрьмы Америки переполнены уголовниками, увеличивается штат полицейских, блюстители общественного порядка оснащаются новейшим техническим оборудованием, однако все это дает мизерный эффект.

Рост правонарушений присущ капиталистической системе, является неотъемлемой частью ее существования, так как остаются неизменными пружины, толкающие людей на преступления,— это и инфляция, и безработица, и неудержимый рост цен. Особенно это касается молодежи. 1,7 миллиона подростков в возрасте от 16 до 19 лет не могут найти себе работу в США. Разбитые надежды, никакого просвета впереди — таково положение тех, кто в самом начале своего самостоятельного пути оказался выброшенным за борт жизни. Молодой парень, который не может найти применения своим силам, начинает чувствовать себя вне общества. А отсюда — один шаг до преступления.

Детство у всех только одно, и лишь от взрослых зависит, каким оно останется в памяти на всю жизнь. Маленькие жители Ольстера запомнят взрывы бомб, пожары и убийства — атмосферу террора и насилия, которую создали в этой стране британские солдаты.

Фото ТАСС

2

1

Минувший год ознаменовался в Японии небывалым размахом классовой борьбы. По всей стране прокатилась мощная волна выступлений трудящихся в защиту своих прав жить и работать. Рабочие, крестьяне, служащие потребовали от правительства и предпринимателей повышения заработной платы, снижения цен и налогов, обеспечения надежных условий найма, принятия действенных мер против массовой безработицы и досконального расследования скандального дела «Локхид».

Фото Джапан Пресс — ТАСС

3

2

В новом году в Ирландии будут вновь сокращены бюджетные ассигнования на социальные нужды. Как заявил министр финансов Р. Райан, эта мера коснется прежде всего безработных. В то же время министр высказался за сокращение налогов с прибылей компаний.

На снимке: очереди безработных на бирже труда в Дублине.

Фото АДН — ТАСС

3

Французская полиция изгнала из производственных цехов типографии газеты «Паризьен либере» бастующих печатников. Более 20 месяцев они занимали цеха, протестуя против решения газетного магната Амори свернуть производство.

Полицейская расправа вызвала возмущение трудовой Франции. Трудящиеся парижских типографий и журналисты провели забастовку солидарности с борьбой печатников «Паризьен либере».

На снимке: на улице, где расположена типография, после завершения полицейской акции.

Телефото АП — ТАСС

НЕВАЖНО, ЧТО МАШИНИСТ ПЬЯН

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

ВОЛЬФГАНГ ЭБЕРТ (ФРГ)

Ох, как трудно теперь в Западной Германии разговаривать с иностранцами! Я убедился в этом, когда однажды ехал в поезде вместе со шведским туристом.

— Вы не замечаете, что машинист поезда недозволенно превышает скорость? — спросил мой сосед.— Я слышал, что за последнее время у вас значительно возросло количество железнодорожных катастроф... Что случилось с вашими железнодорожниками?

— А что могло случиться? — ответил я вопросом.— По-моему, у наших железнодорожников все в порядке.

— Да, но не кажется ли вам, что еще недостаточно проверяют их квалификацию?

— Будьте уверены! В этом деле у нас полный порядок... И квалификацию и все другое проверяют тщательно. Недавно уволено с работы несколько машинистов, которые вышли из доверия...

— А откуда известно, что на них нельзя положиться? Может быть, по их вине происходили крушения поездов?

— Нет. Уволены они в порядке профилактики, чтобы не допустить крушения.

— Но если это так, то можно спокойно ехать,— с облегчением проговорил швед.

— Да,— ответил я.— Тем более, что для неблагонадежных нет места на железнодорожном транспорте.

— И только?! — удивился мой сосед.— А в школах?!

— И в школах... Сами знаете, какие теперь учителя — партийные.

Швед посмотрел на меня с удивлением.

— А что тут общего с партийной принадлежностью?

— Очень многое! Вы просто не знаете наших «инакомыслящих» служащих, подозреваемых в демократических взглядах или в симпатиях к коммунистам. Они слишком любят красный цвет и, вместе того чтобы остановиться перед красным светом, стремятся вперед как одержимые. Если бы на железной дороге работало несколько сот таких машинистов, то это парализовало бы все движение поездов.

— Это значит, что в вашей стране коммунисты или сочувствующие им не могут работать на железнодорожном транспорте?

— Верно. И ради справедливости должен заметить, что и в некоторых других местах им также не разрешается работать, хотя они и имеют высокую квалификацию.

— Значит, речь идет об их политических взглядах?

— О нет, боже упаси!

— Тогда, может быть, действуют в вашей стране «профессиональные ограничения», о которых так много говорят и пишут?

— Да, хотя мы не очень любим ограничения... В этот момент пронзительно заскрипели тормоза. Сумки, чемоданы попадали с полок, пассажиры повалились друг на друга. От страха меня пронзила холодная дрожь. А швед побледнел как мел.

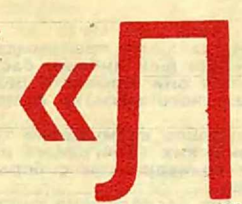
— Что случилось?! — в испуге прокричал он.— Наверное, машинист пьян!

— Ну и что же, что пьян,— ответил я спокойно.— Пусть лучше будет пьян, чем неблагонадежен.

Перевел В. ГОЛОВЧАНСКИЙ.

УЧИТЕЛЬ

Н. РОДИЧЕВ

«Луч», о котором недавно говорили как о гиблом месте, о бросовых землях, вдруг стронулся с последней строчки в районных сводках. Затем на глазах всех земляков покарабкался вверх: по надоям молока, по урожаю основных культур, особенно зерна и конопли.

Мне привелось быть свидетелем спора, возникшего под открытым небом у животноводческого комплекса на взгорке между Мураевкой и Цвеленевом. Сошлись трое: Артюхов, Мельников и Генералов. Последний, тоже из бывших учеников Артюхова, ныне секретарь партбюро. Три вожака хозяйства, оглядывая подворье ферм, выбеленные строения коровников, с озабоченным видом заговорили о том, какими цветами надо было обрамить подступы к фермам и что из плодоносящих деревьев годилось бы в ряды между скотными дворами...

Мне показалось, что Алексей Николаевич был неприятно ворчлив в эти минуты и въедлив, делая замечание главному агроному насчет упущения с цветами. Пока руководящая тройка договаривалась об исправлении досадного упущения по части внешнего вида скотного двора, я развернул свежий номер районной газеты «Новая жизнь». Публиковались фамилии лучших тружениц ферм. Из сорока имен мастериц доения — семнадцать из «Луча», причем первые четыре места прочно завоеваны женщинами из этого хозяйства. Наиболее добычливым в районе «Луч» назван по надоям от каждой коровы. Лучшей значилась и ферма, у которой мы сейчас стояли, думая о цветах. Сразу за мураевской в списке шла должонковская ферма, тоже принадлежащая «Лучу революции». Больше других, судя по сводке, производили мураевцы не только молока на сто гектаров угодий, но и мяса. А вот с закупками молока у населения уступали первенство колхозу имени Суворова...

Не знаю, изменилось положение с закупкой сейчас, догнали суворовцев или, наоборот, еще больше отстали от них, но мне в самую летнюю рань привелось наблюдать, как происходит здесь сбор молока от населения в добавку к артельной молокосдаче. У дворов колхозников, с внутренней стороны палисада, за крашеными оградками вкопаны специальные скамейки. На них, чуть возвышаясь над верхней кромкой ограды, чтоб рукой взять, стоят одна или две крупные банки с молоком от утреннего надоя... Молчаливый возница-молокосборщик, подбадривая коня вожжой, не нарушая притуманенной тишины утра, молча опрокидывает банки в бидоны, отмечая в тетрадке количество предложенного ему хозяйкой молока. У одного дома возница поступил наоборот — поставил банку молока на пустую скамью. Там жила пенсионерка...

Список здешних мастериц доения много лет возглавляла Валентина Александровна Губарева. И вот я в Должонках, где родилась и прожила сорок семь лет доярка. Ладная, крепкая, веселого нрава женщина. Мать пятерых детей, которых растит без мужа — несколько лет тому назад он погиб при трагических обстоятельствах. Детьми Валентина Александровна гордится: учатся старательно. Старшая, Люся, дояркой на ферме, другая дочь, Наташа, поступила в этом году в Курский сельхозинститут («Мамочка, я только два года на стационаре, а потом на заочное отделение, чтобы тебе не в обузу!»), Маня — в десятом, остальные двое — школьники младших классов. Чуть выдается свободный час, ребята под рукой: не нужна ли помощь?

Работая дояркой, Валентина Александровна получала двести сорок рублей в месяц. С мая приняла заведование всей фермой, теряет каждый месяц почти сотню, очень не лишнюю для большой семьи, где четыре девочки, одна — студентка. На мой вопрос, почему она приняла на себя ответственность за такой крупный скотный двор (850 животных), Губарева, слегка засмущавшись, ответила твердо:

— Алексей Николаевич сказал, что так нужно для дела... Я ведь у него училась с пятого по седьмой класс.

И она тут же завспоминала о том, как лихо было прежде детворе Должонков шагать по грязи и снеговерти за четыре километра к школе. Новый председатель снабдил ребят крытой машиной, а для зимы придумал санный поезд на семьдесят мест...

Артюхов, по словам Валентины Александровны, много сделал для облегчения труда доярок. Приблизил к современной норме технику по уходу за животными и сбору молока. Вместо трехразового доения в «Луче» берут молоко у животных только утром и вечером. Днем доярки свободны, могут отоспаться, заняться постирушками. Нередко они подключаются к полевым работам, когда там требуются дополнительные руки. Вопреки прогнозам, общий надой молока при двухразовом доении не уменьшился, и уж чего не ждали — на два процента повысилась его жирность.

Здесь же, в Должонках, живет еще один ученик Артюхова — однофамилец Валентины Александровны или даже родственник ее, комбайнер Василий Васильевич. Этот уже на санном поезде кончал школу — так он молод. Впрочем, женат, двое детей. «Девятнадцать лет имею дело с техникой», — сказал Василий Васильевич о себе. Вероятно, он причислил к стажу и школьные годы, когда к технике здесь приобщаются все подростки. У молодого механизатора орден Октябрьской Революции. Нужно крупно показать себя в работе, чтобы безусому парню на селе ходить с таким орденом.

На глаза Василий попался неожиданно, хотя и не случайно. Он стоял под дождем на мостике комбайна. Поглядывал на небо...

Мы с Василием присели на старые автопокрышки, сложенные столбиком у лесопосадки, и он начал подробно рассказывать о том, как, женившись, присмотрел в Полпине, под Брянском, дом на снос. Для его перевозки потребовалось пять грузовиков.

— Пять машин и занарядил мне Алексей Николаевич, чтобы выхватить дом сразу, — сказал с восторгом комбайнер, вычерчивая прутиком на мокрой земле план пятистенка, в котором сейчас живет.

Однажды Артюхову едва не влепили выговор за интеллигентскую слабость, за излишнюю благотворительность свои же правленцы. Надо до такого додуматься: кормить тех, кто в поле, бесплатно? А таких в страду до сотни наберется! И не раз, а дважды в день.

— Не голодные времена! — возражали одни. — Да и обидятся люди за такое подаяние, при заработках сейчас все. Давайте установим плату.

Пустили в ход костяшки счетов. Безвозмездное харчевание сулило убыток на восемнадцать тысяч за сезон.

— Два щитовых дома можно поставить за эти деньги! — прикидывали доморощенные рачители.

— Потери будут, — согласился Артюхов. — В нашем крестьянском деле без риска не обойтись. А разве не убыток, когда механизатор, заглушив мотор, плетется через поле за миской супа к себе домой? Время на туда и обратно считали? А вдруг жена занята на том же поле или на другом — ей и того раньше нужно оставить плантацию? Но это не все. Про настроение человека забыли? Не обернется ли скрытой отдачей наша забота о людях, когда каждая минута дорога? Давайте, друзья, попробуем. Прогорим — своими председательскими компенсирую потери.

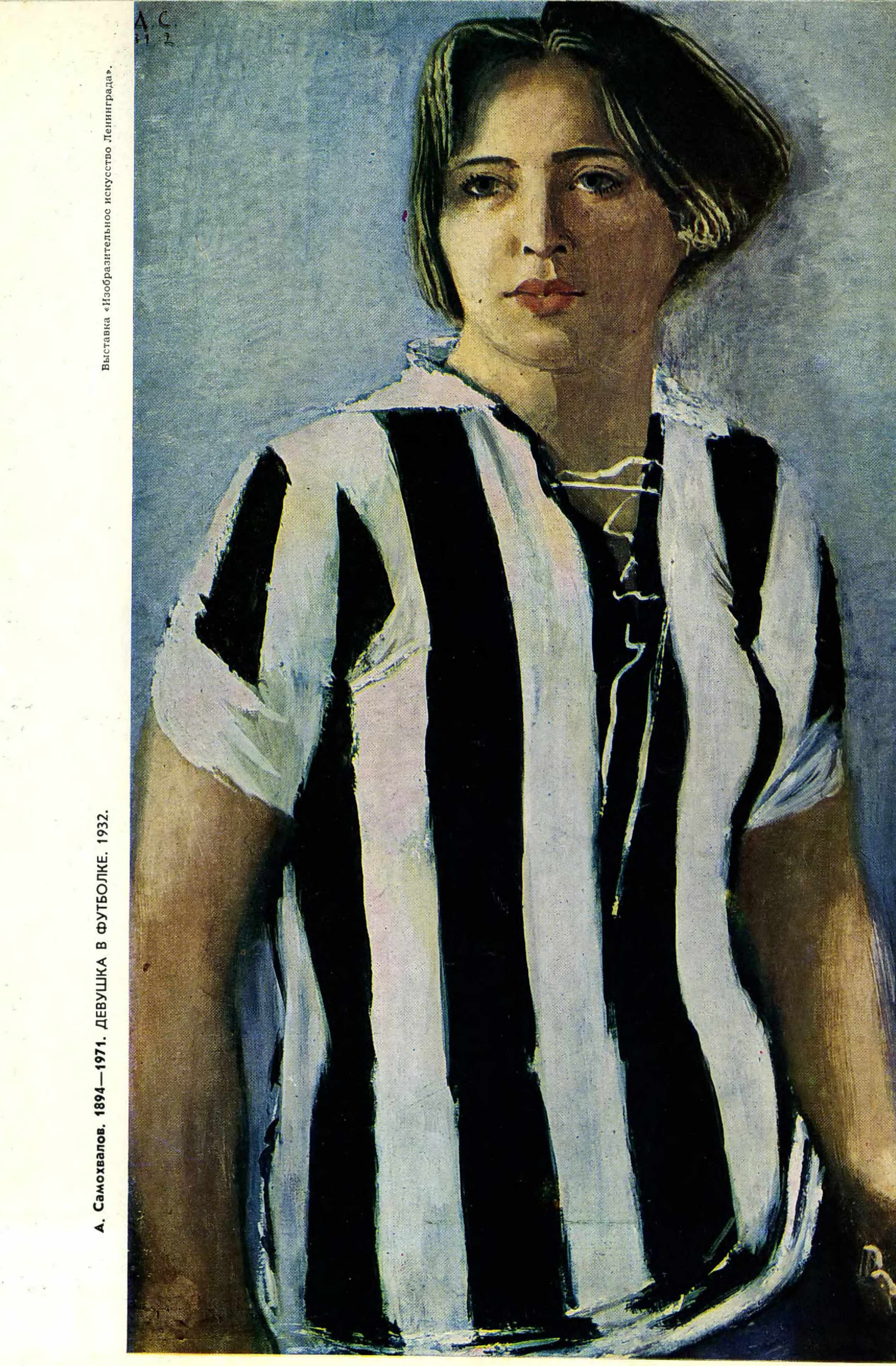
Нехотя подсчитали правленцы на счетах — расходы на новую затею Артюхова получались увесистые. Зато в селе прибавилось еще одно строение. Уютная столовая. В цветах, а внутри — под краску. С умывальником и раздевалкой. На столах крынки с топленым молоком, как дома. Своему и проезжему в радость. А тем, кто посчитает зазорным принимать в наше время даровой харч в поле, подадут еду за современным столом из пластика: свежую телятину с жареным картофелем, орловских щей миску и малосольных огурцов... С трудового полтинника получишь половину сдачи за всю эту благодать. Сыт, и денег почти не убавилось. Так, на пачку папирос. С кухни белозубо улыбнутся на прощание и напомнят, что ужин у них в семь вечера, по научным правилам.

6

Если сооружение Дома культуры на скудные средства обескровленного войной и недородами хозяйства в свое время вызывало насмешки над Артюховым, возведение учебных мастерских на территории машинного парка сейчас можно запросто отнести к прожектерству. Да, мастерские именно учебные, для старшеклассников, которым придется осваивать здесь по всем нынешним нормам и программам профессию механизатора. Дипломы комбайнера, шофера, тракториста, слесаря получат парни и девушки из «Луча», не выезжая за этими профессиями в город.

— Мы много думали на правлении обо всем

Окончание. См. «Огонек» № 1.

А. Самохвалов. 1894—1971. ДЕВУШКА В ФУТБОЛКЕ. 1932.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

К. Петров-Водкин. 1878—1939. 1919 ГОД. ТРЕВОГА. 1934.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

этом,— разъяснил свою позицию Артюхов.— Конечно, куда проще отправить их после восьмилетки в СПУ, обучить делу на казенный кошт. Но здесь вступают в спор между собою два важных фактора: очевидный материальный выигрыш при обучении подростка на стороне и скрытые вначале, дающие себя знать несколько позже недостатки в воспитании.

Артюхов привычным жестом потер виски, напрягая мысль, отыскивая нужные слова, улыбаясь притом с доброй лукавинкой в глазах, вдруг предложил:

— А вы возражайте, спорьте со мной... Здесь важен психологический момент. Пятнадцатилетние пареньки и девчата, даже из числа неважно успевавших в школе, рвавшихся из-под родительской опеки, едва ступив за околицу, попадают в обстановку непривычную, испытывают нечто вроде невесомости: и городскими не стали, и деревенское не забывается.

Привычки детства, не осознанные ими покамест, какое-то время держат их за сердце. Мы замечаем, как эти неокрепшие «стригунки» почти вприпрыжку бегут от автобуса к родной калитке, когда разрешат на побывку. Здесь, пусть на несколько дней, они превращаются снова в маминых детей, жадно вдыхают запах домашних щей, запах материнских рук. И уже по-иному воспринимают родительские слова, рассуждения о жизни. Может, это лирика? — сам себя спросил Артюхов и сам же ответил: — Тем не менее ко времени окончания учебы в СПУ или техникуме редкий из наших парней не просится в родной колхоз обратно. Рано или поздно прибиваются опять к дому...

— Но ведь Юрий Гагарин в подростковые годы кончал ремесленное училище и всегда тепло отзывался о своей «ремеслухе»,— заступился я за училища. На что Артюхов парировал:

— И все же не стал литейщиком, пошел в авиаторы!.. Впрочем, не подумайте, что я не доверяю мастерам и воспитателям городским. Встречаемся и с ними. Да вот показалось нам, что сможем в сложившихся условиях сами, без разрушения очень важного в подростковые годы микроклимата, обучить ребят интересным для них профессиям...

У Артюхова лицо профессионального хлебороба: обветренное, смуглое, с выткнувшимися скулами. В лице этого человека залегло уже нечто постоянное. Так бывает у людей переходного возраста, когда стариком не назовешь — рано, и молодость отошла, не вернешь. Возраст у Артюхова дает себя знать по другим приметам: по глубоким складкам у глаз да по таблеткам в кармане, с которыми он уже не расстается.

Как-то я спросил у председателя, откуда у колхоза столько средств: оплатить труд четырехсот взрослых сельчан и оплатить прилично; заполнить новостройками почти километровый прогал между Мураевкой и Цвеленевом: затеять учебные мастерские и интернат... Ребят из окрестных сел прибавится сотня, содержать их нужно не в голых стенах — опять немалые расходы. И на этом счет затратам не кончается: дома для пенсионеров и молодоженов, пополнение машинного парка. Есть план генеральной застройки усадьбы колхоза, о нем не забыто.

Алексей Николаевич или не расслышал моего вопроса, был занят своим в эту минуту, или давал мне понять очевидную бестактность праздного любопытства — и о делах расскажи, и карманы перед заезжим человеком выверни... Гость услышал и забыл, или вслух позавидовал чужому карману ненароком, а настоящему хозяину путь к зажитку таким каменистым всегда кажется, что поневоле скупым станешь, даже на слова.

Пока мы вели этот молчаливый разговор, думая каждый о своем, председательский «газик» свернул к кромке конопляища. Сочная ядовито-зеленая поросль в рост всадника, обдав нас терпким запахом, преградила путь. Словно туча, внезапно свалилась близ дороги с неба.

— Две теплые недели — и миллион в кармане,— сказал, обращаясь не ко мне, а к агроному, Артюхов. Но то был ответ и на мой полузабытый вопрос.

Всего лишь две погожие недели — так близок был финиш к настоящему богатству! Каковы должны быть нервы у сеятеля, если выстраданное богатство это, словно пригрезившись земледельцу, на глазах может уйти обратно в землю?

Я видел Артюхова в полях, запомнил его склонившимся над валками сбитой с корня пшеницы: прядь мокрых колосьев в председательской руке и непростая задумчивость в лице... Не такие ли минуты прибавляли Алексею Николаевичу по морщинке у глаз? Если для дозревания конопли требовалось две недели, то для взятия зерна с полей достало бы при той технике и энтузиазме людей, что в «Луче», всего четырех солнечных дней! Или ночей, и на это были согласны! Но судьба в те дни была глуха к мольбе хлеборобов!

Запомнилась сцена в доме Артюховых. Из Москвы приехал сын, Александр, с женой и своим уже сыном, Сережей. Неширокий круг застолья — родственники, соседи. За столом кареглазая девушка лет девятнадцати, Оля. Студентка Курского медицинского института. Лицо внимательное, спокойное, умное. Само очарование!

С другого края стола древняя старуха. Седовласая, зоркая и тоже молчаливая. Есть такие лица, когда человек свой сказ о себе ведет глазами. Мне шепнули: «Мария Ивановна Позднякова... заслуженная учительница, мать Елены Андреевны... Сорок семь лет проработала в школе». Выходит, что и Алексей Николаевич был для нее когда-то первоклашкой!

Я смотрю на щедрый стол, уставленный плодами рук тех, кто сейчас пришел на ужин к председателю, плодами неласковой здешней земли. Вполуха слушаю запальчивую речь мужчин, но вижу лица этих двух: юной Оли и престарелой Марии Ивановны. Вижу согласное, молчаливое удовлетворение их не только нынешним вечером, а чем-то куда бо́льшим, чем щедрый стол. Удовлетворение той, что вложила безмерный труд в сегодняшнее духовное, а значит, и материальное богатство села, и той, что многое взяла из этого богатства от старших, взяла в неблизкий путь к своим вершинам.

Запомнилось еще одно лицо. Солидный инженер Института имени Курчатова, Александр Алексеевич Артюхов, придерживая сынишку на колене, превращаясь и сам в такого же мальчонку, раскрыв рот от несказанного доверия и восторга, слушает разошедшегося в воспоминаниях батарейца о войне. Слушает рассказ своего отца!

Прощаясь после ужина, все мы вышли на крыльцо, крашенное в оранжевый цвет, с широкими ступенями в палисад.

О своем доме, стоящем в стороне от красной линии села, очень обыкновенном строении и похуже многих нынешних домов, Артюхов-старший сказал без сожаления:

— Приезжие часто замечают мне, что, мол, надо бы тебе, Артюхов, взбодрить хатку, обновить жилье... А нам с Еленой Андреевной все недосуг. Как поставили дом на учительскую еще зарплату, так и живем, детей здесь вырастили. Теперь, видно, своим хозяйством займемся, когда на пенсию выйдем. Правда, Леля?

Моя посуду на кухне, Елена Андреевна согласно кивнула головой, будто речь шла о чем-нибудь малозначительном, что и в самом деле можно отложить на старость.

В рассказе моем об учителе Артюхове, чувствую, как-то забыто про школу, которую он не без сожаления оставил два десятилетия тому назад. А без школы и сейчас трудно себе представить судьбу этого глубинного колхоза, его будущее.

Размышляя над тем, как бы это поладнее, поближе к истине и точнее вставить в нынешний разговор слово о школе, я вспомнил полученное председателем письмо одного из паломников в «Луч». Не вдруг мне подумалось: а что, если про школу расскажет кто-нибудь другой?

«В июле с. г.,— начинает своеобразный отчет ходок из соседнего района В. И. Афанасьев,— вместе с группой идеологических работников области мне пришлось побывать на экскурсии в колхозе «Луч революции». Все, что мы там увидели и услышали, оставило глубокое впечатление...

Дом культуры, а особенно разбитый вокруг него сад-парк, вызывает восхищение. Впечатление такое, что вы находитесь в зеленой зоне какого-то южного санатория или дома отдыха с множеством красивых цветов и аллеями декоративных деревьев и кустарников. И в этом цветущем уголке самое почетное место отведено мемориалу-памятнику, где золотом на мраморе навечно запечатлены имена односельчан, отдавших свои жизни за Родину на фронтах...»

О школе написана целая глава, обозначенная таким образом: «Школа с большой буквы».

«Гордостью колхозников является построенная на средства и силами колхоза Цвеленевская средняя школа, руководит которой заслуженная учительница Елена Андреевна Артюхова. Это настоящий храм науки, где созданы все условия для учебно-воспитательной работы в соответствии с современными требованиями. Полы, стены, столы, окна просторных и светлых классов, кабинетов, коридоров, лестниц, спортивного зала, столовой блестят свежей краской и сверкают чистотой. Школа полностью обеспечена учебными пособиями и давно готова к новому учебному году...»

Давно? — спросим мы. Ведь речь идет о июльской поре, когда в коридорах всех школ страны едва утих гомон разъезжающихся на отдых учащихся! Иные руководители лишь начинают ремонт, ищут подрядчиков...

«Колхоз ничего не жалеет для подрастающего поколения. Для учащихся организовано бесплатное питание, начинается строительство интерната. Восхищает вид пришкольной территории с массой зелени и целым морем цветов. А учебно-опытный участок! С какой тщательностью обработаны отороченные бордюром из декоративной травки делянки, где зреет богатый урожай многих культур. Нигде ни травинки! Не отсюда ли,— заключает автор письма,—с учебно-опытного участка, начинается у ребят любовь к земле?»

Вот так мы, совершив некий круг обзора годам и людям Мураевки, пришли, кажется, снова к тому же участку возле школы, который остановил внутреннее зрение бывшего секретаря райкома, очаровал его и пробудил мечту: а нельзя ли этот любовно возделанный уголок земли расширить до пределов целого колхоза?

Оказалось, что можно...

Но вот еще одна страничка подорожной, размышления еще одного экскурсанта, увидевшего в Мураевке урожай не только на полях. Это уже размышления об истоках и причинах.

«Хотелось бы подчеркнуть такой, на мой взгляд, характерный момент: наличие умного и **дальновидного** (подчеркнуто в блокноте.— **Н. Р.**) руководителя, который еще двадцать лет назад сумел увидеть перспективу и найти главное звено подъема хозяйства—работу с людьми и заботу о людях. Колхозники оценили это, поверили, убедились и чувствуют себя настоящими хозяевами на земле, хозяевами в самом хорошем, самом современном смысле этого слова».

Я ловлю себя на желании повторять эти счастливо ставшие рядом слова о смысле увиденного в Мураевке: «Самом хорошем, самом современном...»

Алексей Николаевич Артюхов, вопреки ехидным смешкам маловеров оставив школу, не обрек ее на прозябание, не растворил вспыхнувший цветом под его руками клочок пришкольной земли в океане запущенных полей окрестья... Наоборот, школой для других хозяйств «в самом современном и самом хорошем смысле» стал весь колхоз «Луч революции». А значит, и сам председатель остался учителем.

Минувшее лето было тяжким не только для тружеников полей. Первый секретарь Урицкого райкома партии, обаятельный и толковый вожак сельских коммунистов Валентин Иванович Бологов кочевал на своем «газике» в те дни и ночи по скользким проселкам. Иногда он сворачивал в Мураевку, тут же отыскивал Артюхова. Я как-то спросил нынешнего секретаря, чем он обычно занимается в Мураевке.

— Приезжаю посоветоваться,— охотно сознался секретарь. И тут же добавил с улыбкой: — Отдыхаю душой здесь.

Об Артюхове он отозвался не сразу, но кратко:

— Самородок...

Мне показалось, что Бологов долго думал, прежде чем одарить своего собрата по земным заботам таким щедрым словом.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. П. КОРОЛЕВА

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Сергей Павлович Королев... В мире нет другого имени, с которым столь же неразрывно были связаны великие свершения начала космической эры человечества.

Тридцать лет назад Королев сказал о Циолковском, что он жил впереди своего времени. Сегодня мы можем то же сказать и о нем самом.

«Луна, Марс, Венера... Созвездия близких и дальних Галактик. Мы говорим ныне о полетах в глубины Вселенной не на языке мечтателя-фантаста, а как о вполне реальной, доступной человечеству задаче...» — писал С. П. Королев.

Он жил уже в будущем, опережая свое время, как подобает настоящему ученому.

«Так и кажется,— вспоминает один из его соратников,— сейчас распахнется дверь, войдет Сергей Павлович и скажет: «Что вы здесь сидите — работать надо!»

«Рабочим космоса в три смены» называли его на космодроме.

«Работать с Сергеем Павловичем и трудно и легко. Легко — потому что он обладал неиссякаемой энергией, неукротимым стремлением в достижении намеченной цели, которую он ясно видел. Трудно — потому что он был исключительно требователен к себе и к людям, работающим с ним, нетерпим к человеческим слабостям и недостаткам в работе. Вместе с тем он был чрезвычайно добрым и отзывчивым человеком, любил жизнь, был простым и доступным... и всегда помогал людям».

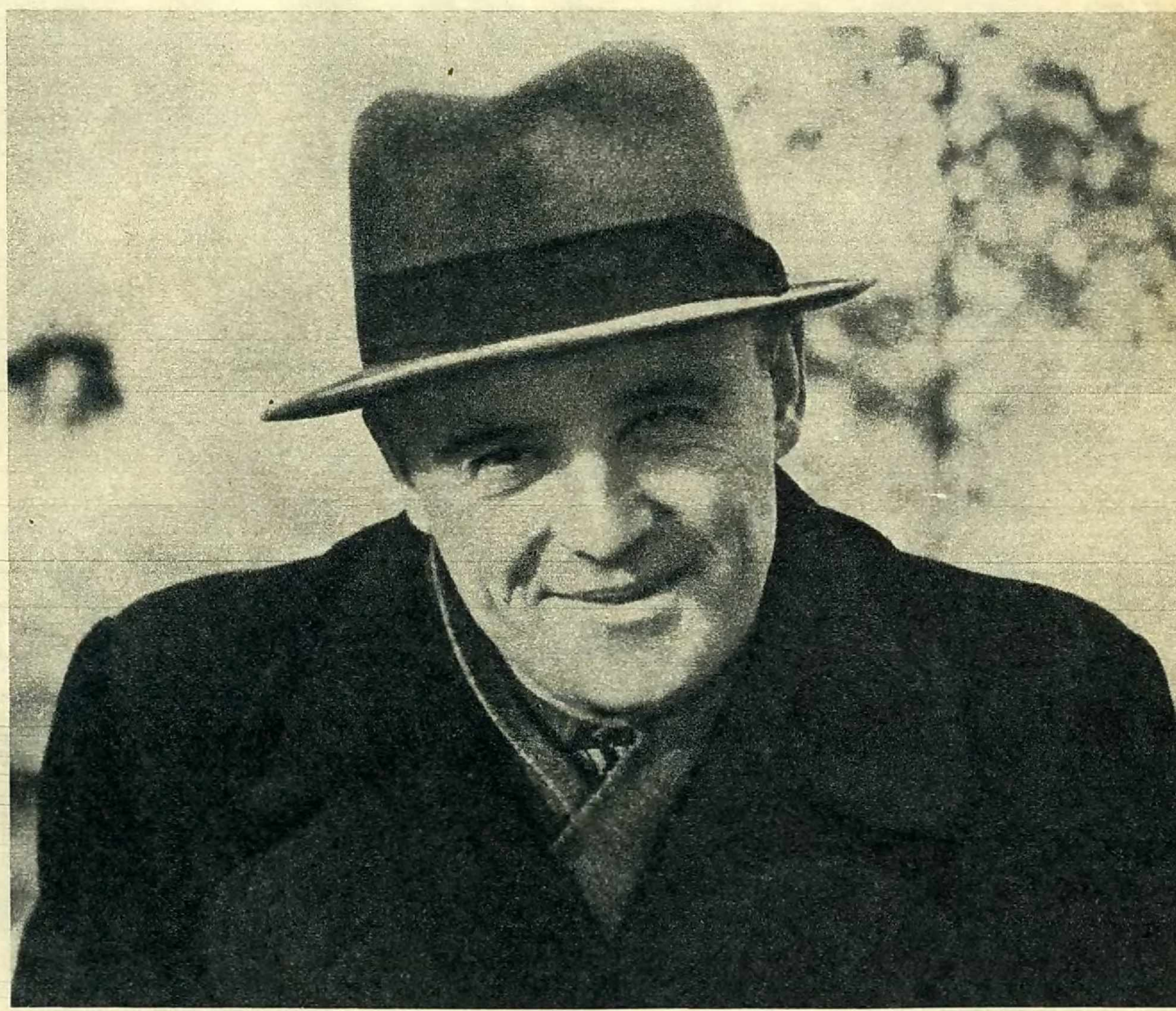
Это слова воспоминаний друзей Королева.

Он работал до последней минуты. Зная, что безнадежно болен. Зная, что не успеет закончить, он все-таки продолжал писать главную свою книгу — фундаментальный труд по ракетной технике.

«Он может согнуть все на своем пути»,— говорил о Королеве Гагарин. Согнуть болезнь ему не удалось.

При жизни он был обречен на неизвестность. Его смерть отозвалась эхом мировой славы.

Имя дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии академика С. П. Королева на века останется с людьми.

С. П. Королев. На обороте подпись: «Дорогой маме на добрую память. Сергей. 7 апреля 1950 г.». Фотография публикуется впервые.

СЛОВО К ЮНЫМ

Николай **ВАРВАРОВ**

Это была первая в их жизни встреча. Многое хотелось вспомнить Марии Николаевне Королевой-Баланиной и Анне Тимофеевне Гагариной. Двум матерям таких замечательных людей...

Главный конструктор и первый космонавт были друзьями. Вместе провожали в космос первопроходцев, вместе встречали их по возвращении на землю, принимали доклады о выполнении заданий. Вместе подолгу просиживали вечерами, обсуждая судьбы космонавтики. Они и сегодня с нами — Сергей Павлович и Юрий Алексеевич.

Для матерей они просто Сережа и Юра. Два эти имени и звучали во время задушевной беседы в тихой московской квартире Марии Николаевны, в одной из двух комнат, ставшей по существу музеем памяти сына.

В этой встрече, происходившей в канун 70-летия С. П. Королева, приняли участие его друзья и соратники. Они преподнесли Марии Николаевне и Анне Тимофеевне цветы, памятные сувениры, приветственные адреса, макеты космических кораблей, фотографии научно-исследовательских судов «Академик Сергей Королев» и «Космонавт Юрий Гагарин».

Благодаря за подарки, Мария Николаевна сказала:

— Они займут в моем космическом уголке, да и, конечно, в вашем, Анна Тимофеевна, достойное место. Так я говорю?

— Полностью согласна. У нас дома тоже есть космический уголок, и я очень хочу познакомить с ним вас.

— С удовольствием принимаю ваше приглашение,— с улыбкой ответила Мария Николаевна.

Она от своего имени и от имени Анны Тимофеевны сердечно поблагодарила всех участников встречи и сказала:

— Мы с Анной Тимофеевной решили обратиться к молодежи с письмом, которое я позволю себе зачитать:

БЛАГОДАРНО ЕМУ

КОСМИЧЕСКАЯ ГАВАНЬ

Космодром Байконур — космическая гавань Страны Советов. Он раскинул свои владения в пустынном районе Казахстана, там, где протекает своенравная Сырдарья. На обширной площади его размещены стартовые комплексы, технические позиции, измерительные пункты, необходимые для осуществления космической программы.

Но есть здесь особо знаменитое место — бетонная стартовая площадка, с которой девятнадцать лет назад, в год сороковой годовщины Октября, впервые поднялось в космос рукотворное тело — искусственный спутник Земли.

Мы стоим на этой легендарной точке с ветераном космической эры инженером Борисом Чекановым. Четвертого октября 1957 года по команде технического руководителя он нажал кнопку пуска ракеты.

— Мы все в те часы волновались,— вспоминает оператор. — Никогда мне не забыть сосредоточенных лиц Сергея Павловича Королева, его заместителя Леонида Александровича Воскресенского и других.

Отсюда, где мы стоим, хорошо виден скромный обелиск, установленный в память о начале космической эры, созданный по проекту Е. Корнилова и В. Евтеева, нельзя без волнения читать строки, высеченные на мраморе: «Здесь гением советского человека начался дерзновенный штурм космоса (1957)».

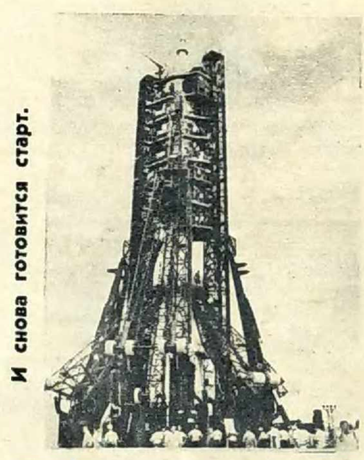
К обелиску подошла группа молодежи. По доброй традиции здесь вручаются комсомольские билеты. Эту почетную обязанность выполняет ветеран партии Михаил Тихонович Погодин. Он говорит:

— Будьте достойны тех первых коммунистов и комсомольцев, что построили в этой пустыне космодром и этот чудесный город Ленинск.

В словах ветерана глубокий смысл: ведь космодром — по праву детище молодежи, призванной сюда со всех концов нашей Родины. Первый строительный «десант» высадился в этом суровом крае в начале 1955 года под руководством опытнейшего руководителя, заслуженного строителя РСФСР Георгия Максимовича Шубникова. Появились землянки и палатки. Теперь об этом напоминают лишь фотографии да глыба гранита со словами: «5 мая 1955 года здесь заложено первое здание г. Ленинска». В нескольких десятках километров отсюда в те дни начались земляные работы — рытье котлована для стартового комплекса. Требовательный «заказчик» — главный конструктор ракетно-космических систем С. П. Королев, не спускавший глаз со строителей, позднее скажет: «Я был уверен, что они нас не подведут, но я не предполагал, что они в такой короткий срок смогут построить так много и так хорошо. Спасибо, дорогие товарищи!»

С тех пор прошло свыше двадцати лет. Город растет, мужает и хорошеет на моих глазах. На протяжении пятнадцати лет я довольно частый гость «звездного края». И на этот раз, проезжая по широким улицам и проспектам города, снова любовался строгой архитектурой площади Ленина, Дворца пионеров, спортивного комплекса, сквером, в центре которого скульптурный портрет Главного конструктора С. П. Королева.

Памятник С. П. Королеву.

И снова готовится старт.

О завтрашнем дне Ленинска рассказывают первый секретарь горкома партии Н. М. Артеменко и председатель исполкома горсовета А. И. Дрякин:

— Пожалуй, самой примечательной чертой Ленинска станет стремление города ввысь. По генеральному плану застройки появятся жилые массивы с девятиэтажными корпусами. Они-то и будут диктовать архитектурный облик Ленинска. И еще зелень. Разобьем новые скверы и парки. С этой целью создаем собственный питомник. Намерены построить теплицы, чтобы снабжать население ранними овощами. Но этим, конечно, не исчерпываются наши планы на текущее пятилетие. В этом году мы, например, заселили восьмидесятиквартирный дом. Строим еще два таких же. Кстати, жилищная проблема в нашем городе полностью решена. Молодожены, как правило, получают ключи от новых квартир, также и приезжающие на работу. Решено построить родильный дом: ведь каждый день число жителей увеличивается примерно на трех новых маленьких граждан. В наших планах — строительство дошкольных учреждений, школы-интерната, развитие городского транспорта, улучшение сферы обслуживания. Есть еще одна заветная мечта — возвести здание музея космодрома и собрать в нем самое интересное о славной истории практической космонавтики.

А. РОМАНОВ,
корреспондент ТАСС и «Огонька»

Фото автора.

Анна Тимофеевна Гагарина и Мария Николаевна Королева-Баланина.

Фото Ю. Плаксина.

«Дорогие друзья, юноши и девушки! Дорогие наши ребята! В беседах и письмах вы часто спрашиваете нас, как росли наши сыновья, как они овладевали знаниями, выбирали свой путь, как формировалось их гражданское мировоззрение и характер. Если ответить кратко: все им дала Родина...

У каждого человека есть свой звездный час, когда полно и ярко раскрывается талант и способности личности, высокие душевные порывы; когда реальностью становится самая дерзновенная его мечта... Только тот достигнет высокой цели, кто понимает важность и необходимость своего дела, кто не боится трудностей и преград, стоящих на пути. Это умели наши сыновья. Они преданно служили своему народу, который их воспитывал, ленинской партии, которая их вдохновляла. Материнская гордость живет в наших сердцах, и гордость эта не только от того, что нам было дано счастье вырастить таких сыновей,— наша гордость и вы, молодые, идущие дорогой труда, полного героизма и мужества, поисков и открытий. Ваш самоотверженный труд на стройках пятилетки, на заводах и полях, в научных лабораториях и конструкторских бюро, на Земле и в космосе, ваша учеба доставляют нам, старшему поколению советских людей, ни с чем не сравнимую радость. Каждый из нас по мере сил делает все, чтобы быть полезным Родине.

Продолжать дело старших — это прекрасно. Мы много прожили, много повидали, и наш скромный труд, как и миллионов людей, вложен в общенародное дело. Мы вправе сказать, сказать с гордостью и от всего сердца: как тут не восторгаться, когда с каждым годом наша родная страна становится все прекраснее и могущественнее... Так будьте же, юные друзья, всегда и во всем достойными великих идеалов Страны Советов, строящей коммунизм!»

Ю. ЛУШИН
Фото автора

Красное и черное, раскаленный металл и уголь. Красное и черное на белом фоне сибирской зимы — вот ритмы Запсиба, ритмы Кузбасса, вот декорации, среди которых разворачивалось действие. Зрители разместились на кранах, металлических лестницах, крышах и просто на мерзлой, развороченной земле. Ожидалось невиданное зрелище — перемещение домны на сто метров (выражаясь языком инженеров — надвиг домны). Стометровка представляла собой две широкие бетонные полосы, поверх которых уложены слябы — металлические слитки, а уж по слябам шли катки из специальной стали. По этим каткам и поедет домна. Пока же она, украшенная залихватским плакатом «Ну, «Запсибовна», поехали!», бесстрастно наблюдала со своей 70-метровой высоты за деловитой суетой монтажников. Их обветренные лица хранили суровую тайну. На домну они не смотрели. Они проверяли тросы и лебедки, да с такой уверенностью, будто всю жизнь только тем и занимались, что передвигали домны. Между тем мне было точно известно, что никто из них никогда не сталкивался с таким необычным делом.

Отечественная металлургия, правда, знает такие случаи, когда рядом со старой печью возводилась новая, а затем ее передвигали на постоянное место. Но те домны были гораздо меньше сибирской, и двигали их на короткие расстояния. Объем же «Запсибовны» — три тысячи кубометров, вес — почти тринадцать тысяч тонн... Можно было, конечно, не устраивать такой эксперимент, а просто, сломав старую печь, на ее месте смонтировать новую. Но тут надо учесть, что, пока возводилась новая, старая домна продолжала плавить металл и за это время выдала 720 тысяч тонн чугуна — почти полугодовую норму.

...Тросы на лебедках медленно натягивались, томительно текли минуты. Все ждали, когда домна тронется в путь, а «Запсибовна» уже двигалась — медленно, незаметно для глаза. Я отметил время — два часа дня. Геодезисты, прильнув к нивелирам, выкрикивали в микрофон цифры отсчета. Улучив момент, я тоже глянул в окуляр нивелира и увидел, как деления на рейке сдвинулись, центр сместился. Домна действительно двигалась. Это было удивительное зрелище! Домна «бежала» с расчетной скоростью: триста миллиметров в минуту. Чуткие тензометры, установленные передвижной лабораторией отделения института «Проектстальконструкция», фиксировали состояние домны и линии надвига.

— Хорошо пошла? — спросил я у директора Запсиба А. А. Кугушина.

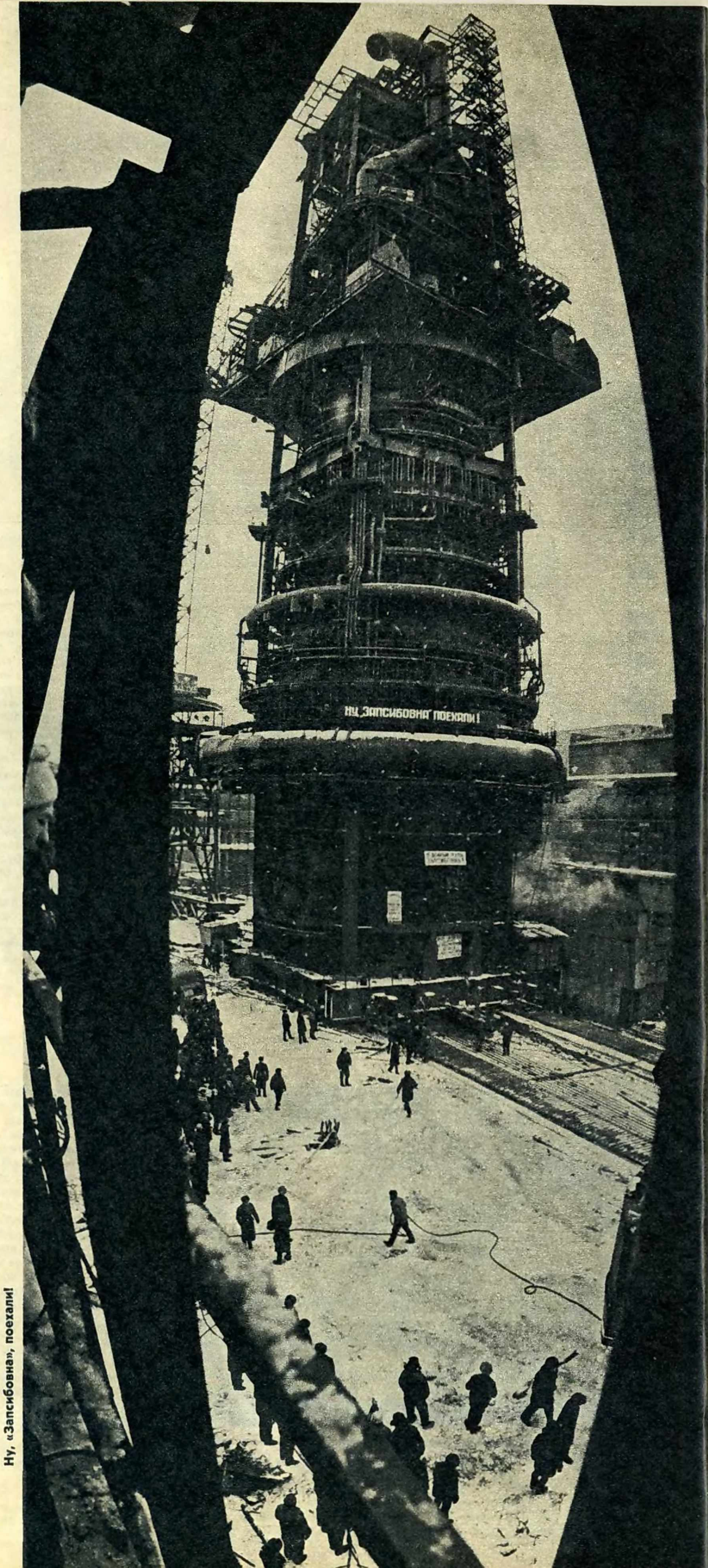
— Отлично! Между прочим, «поездка» этой домны связана со вторым рождением завода: мы начинаем модернизацию и реконструкцию Запсиба. Уже в феврале печь должна дать первый металл, она будет варить почти по шесть тысяч тонн чугуна в сутки. Богатырша! Вслед за этим начнем реконструкцию конверторного цеха, потом наступит очередь прокатных станов... Кстати, «Запсибовна» — вторая наша домна объемом в три тысячи кубометров. Первую мы пустили перед XXIV съездом КПСС, и «Огонек» писал об этом событии...

Наступил вечер. Домна миновала отметку двадцатого метра. Монтажники повеселели, зрители разошлись. Кто-то из рабочих вечерней смены подошел к домне с тыла, привалег на нее плечом, озорно крикнул:

— Давайте, ребята, подтолкну — быстрее пойдет!

— Давай-давай,— благодушно согласились монтажники, еще три часа назад никого не подпускавшие даже на десяток метров.

«Запсибовна» финишировала в четыре часа утра, опередив расчетный график и показав рекордное время. Еще не светало. По соседству, у работавшей домны, в небо рвалось из труб пламя — это сгорал доменный газ. Черное и красное — ритмы Кузбасса. На предназначенном ей месте стояла «Запсибовна». Скоро и она даст первый раскаленный металл.

Ну, «Запсибовна», поехали!

ДОМНА ПЕРЕЕХАЛА

Каждый миллиметр пути выверяется нивелирами.

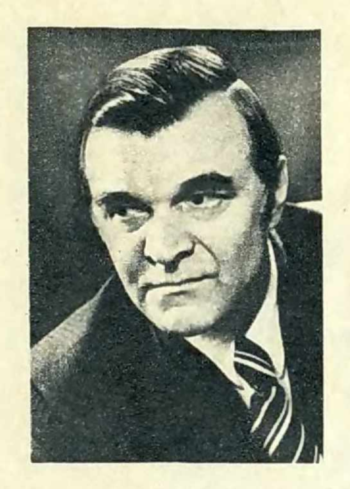
Подготовка дистанции.

У рычагов управления главной лебедкой бригадир монтажников В. Архипов (справа) и слесарь-монтажник М. Рахимкулов.

Пока домна переезжает, можно и чайку попить.

Юрий БОНДАРЕВ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

МГН

АТАКА

— Что такое атака, спрашиваешь? А ты вот послушай. Как раз перед нами шоссе Москва — Воронеж проходило, а мы за шоссе на Студенческой улице окопались. Атаковать надо было так: через шоссе броском перескочить, дальше ложбину перебежать, за ней на гору взобраться, а на горе врытые немецкие самоходки и танки в упор бьют по шоссе, нам снизу их стволы видать. Ну, а за горкой кирпичный завод, который взять приказано. Там крепенько немцы сидят, кинжальным огнем шоссе простреливают, не то что головы, палец не высунешь — рубит насмерть. Но комбату это не причина, ему одно: взять завод — и точка, никаких рассуждений. Молоденького младшего лейтенанта нашего, москвича, как помню, в первую минуту убило, когда по сигналу атаки шоссе начали перебегать, и по этому случаю роту я на себя принял — больше некому. Атака в полный день была — солнце яркое, все вокруг почище, чем в бинокль видно. Как только мы через шоссе перескочили, самоходки в упор такой огонь стали бешеный давать, что день в ночь превратился — дым, разрывы, стоны, крики раненых. Понял: в лоб завод не возьмем, на самоходки дуроломом попрешь — всем братская могила. Самоходки дыбят землю огнем, а я кричу: «За мной, братва, так перетак! Влево давай! По ложбине, по оврагу, в обход горы, иначе всем похоронки!» И — как угадал в этом соображении. Повезло. Судьба улыбнулась. Вывел остаток роты в овраг слева от завода, а в овраге железный хлам какой-то, железный мусор, хрен знает что. Рвемся, без голосу орем чего-то, задыхаемся, бежим по железному хламу, как сквозь колючую проволоку, того и гляди глаза к дьяволам повыколем. А завод — вот он, на горе виден, метров сто пятьдесят. Уже как черти в аду хрипим, в гору почти на карачках лезем, обмундирование на нас о проволоку, об железо в клочья вкось и поперек разодрано,— и все-таки ворвались в завод с тылу, можно сказать. Помню: пылища в каком-то цехе, спереди немцы из пулеметов по атакующим нашим ребятам режут. Разом ударили мы по ним, вбежали в эту пылищу. Бегу, точно бы вконец обезумелый, строчу из автомата по пулеметчику, вижу вспышки в пыли, кричу что-то вроде «вперед» и вроде трехэтажного мата, сам не соображаю что. И тут накрыло темнотой меня, будто на голову крыша обвалилась.... Очнулся в медсанбате, лежу и чувствую: никак живой, тело, руки, ноги при мне, на глазах — повязка. Хочу сдернуть ее, а мне говорят: погоди, мол, контузило тебя и глаза песком засыпало после снарядного разрыва, мол, не волнуйся. Волнуйся, не волнуйся, месячишко поремонтировали — и опять «вперед». Вот что такое атака.

МАТУШКА

— Вечером уже стадо гнали, туманец от реки, коровы мычат сытые, у ворот мордами трутся, а тут голодная медведица, здрастепожалуйста, забрела из тайги с семейством, значит, с медвежатами малыми — своими ребятенками. Напала матушка на корову, стала драть, рев, мык, пыль каруселью над дорогой, ровно два трактора сдуру сцепились. На шум такой доярки выскочили, закричали, руками замахали, а матушка никак с коровой не справится, рвет ее, а не может задрать. Медвежата в кустах запаниковали, хором благим матом орут, за мамашку беспокоятся. Тогда медведица ноздрей на всю деревню фыркнула, вроде ругнулась, бросила корову-то, напала на козу, разодрала ее и половину в тайгу унесла... ребятенков кормить. Никто не стрелял ее...

БЕССИЛИЕ

Он шел Невским проспектом в одиннадцатом часу утра, на северной стороне было еще нежарко, солнечные стрелы скользили сквозь листву по зеркалам витрин, лиловые отливы теней таились в пустынных подъездах, пахло влажноватым асфальтом — и везде по-утреннему было прохладно, легко, свободно...

Он любил воскресный Невский в эту летнюю пору — перед полдневной духотой проспект был немноголюден, тих, солнечно-пестр,— он смотрел на витрины, на праздничные лица прохожих и невольно улыбался, щурился от избытка хорошего чувства, от душевной чистоты, что испытывал всегда погожим утром.

Потом он обратил внимание: навстречу ему неторопливой походкой шел небольшого роста молодой человек в клетчатом пиджаке, покатые плечи чуть раскачивались, твердый, жесткий взгляд был устремлен вперед. Он, казалось, никого не видел и видел всех сразу, гуляющих по Невскому, и одной лишь краткой усмешкой в глазах выделял из прохожих красивых женщин.

Они двигались навстречу, эти два молодых человека, глядя перед собой, а когда поравнялись, невысокий, в клетчатом пиджаке, не поворачивая головы, не меняя выражения глаз, еле заметным толчком плеча ударил в плечо другого, и тот, едва не падая под силой неожиданного удара, ощутил чужие мускулы, столь натренированные, неумолимые в своей самонадеянности, что, пораженный грубостью, вспыхнув мгновенным гневом, выговорил, готовый к мщению:

— Извинение надо попросить, черт подери!

А парень в клетчатом пиджаке спокойно уходил, по-прежнему слегка покачивая плечами, будто ничего не произошло несколько секунд назад. И стало ясно: толчок плечом был не случаен, а страшная мощь в его мускулах, весь этот облик невозмутимо гуляющего по проспекту человека делали его неприступным, невинным, и можно было представить, как, уверенный в безнаказанности, он равнодушно поднял бы брови при виде возмущения оскорбленного его действием другого человека, как сказал бы бесцветным голосом: «Не понимаю, что вам от меня нужно?» — и после чего мог оттолкнуть, нанести вторичный удар исподтишка, играя роль жертвы, вынужденной защищаться.

Тот человек, которого задели плечом, был не робкого десятка, тоже обладал физической силой, но что-то похожее на внезапный страх перед чужой волей остановило его.

Он, морщась, потирал ушибленное место, оглядывался на удаляющуюся квадратную спину, обтянутую спортивным пиджаком, и ненавидел и эту спину, и себя, и собственное унизительное бессилие, которому все-таки требовалось найти оправдание.

«За что он меня? Позавидовал моим модным белым брюкам или моей прическе? Доказал, что сильнее меня? Почему я оробел перед этой глупой отвратительной силой?»

В состоянии неудовлетворенного возмездия он не подумал, однако, что оба они, победивший и побежденный в коротком уличном бою первобытных самолюбий, предстали вдруг жалкими, мелкими, ничтожными особями мужского рода в этом солнечном мире июльского утра, с его влажноватым воздухом, витринами, летним взглядом встречных женщин...

НЕРАВНАЯ ДОЛЯ

— Ты будешь хороший, да? Не будешь меня обижать? А то знаешь, как мне ее жалко!

— Кого?

— Себя.

— Я же люблю тебя, единственная моя женщина.

— И ты все время будешь меня любить? Если со мной что-нибудь случится, ты будешь меня помнить?

— С тобой ничего не случится.

— А если?

— Всю жизнь. Но с тобой ничего не случится.

— Знаешь, в любви тоже несправедливость. Она не поровну распределяет долю. В ней нет равных долей.

— Я не понимаю.

— Мне дана бóльшая доля, тебе мéньшая. Ты меньше меня любишь.

— Экая арифметика странная!

— Нет, нет, вот что страшно — надоесть друг другу. Тебе смешно, а я часто думаю об этом. Если я тебе надоем, ты сразу уходи, не говоря ни слова.

ОВЕНИЯ

СТРАНИЦЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

В Новый год она остановилась в фойе перед зеркалом и здесь, в этом отраженном блеске огней, люстр, нарядных женщин, показалась самой себе такой заурядной, некрасивой, простенькой, что испуганно оглянулась на него и, бледнея, проговорила быстро:

— Уйдем отсюда, скорее уйдем!..

Он понял, о чем она думала, поцеловал ее в висок, сказал ласковым голосом:

— Ты смотрела на себя глазами чужой зависти.

И она вдруг облегченно опустила руки, улыбнулась ему с покорной благодарностью.

— Спасибо, ты меня все-таки любишь.

«НЕ НАДО ОСТАНАВЛИВАТЬ МАШИНУ»

РАССКАЗ МОЕГО ДРУГА

В воскресный июльский вечер возвращались с дачи, ехали по шоссе в цепочке машин, смотрели на дальние небоскребы Москвы: вся окраина светилась жаркими угольями в стеклах новых домов, которые вырастали по горизонту как бы прямоугольно-зловещими марсианскими памятниками в безмолвном геометрическом пространстве. И почему-то чудилось мне, что наша машина скоро въедет в некий город, залитый закатным светом на незнакомой таинственной планете.

Но вдруг что-то постороннее толкнулось в зрачки и, еще не сообразив, что раздражающе помешало мне сейчас, я повернул голову и тотчас увидел справа отблескивающие вишневым лаком «Жигули», стоявшие на обочине вблизи молодой березовой посадки, нежно розовеющей тонкими стволами. Такой же теплый алый свет был внутри машины, за плотно закрытыми стеклами, и на спокойном лице водителя, положившего руку с сигаретой на руль, на его полных щеках, казавшихся еще более круглыми, сытыми от толстых усов. И тут я только понял, что внезапно привлекло мое внимание к этой одинокой у обочины машине.

Там, в машине, били женщину. Я не разобрал четко облики людей, я лишь увидел, что мужчина стоял на коленях на переднем сиденье рядом с водителем и, повернувшись назад, резко наклоняясь, двумя руками, как кот лапами, бил по лицу женщину, которая, тряся льняными волосами, пыталась сжаться в комок, беззвучно крича, откидываясь спиной и затылком на спинку заднего сиденья. Она пыталась защититься даже поднятыми коленями, судорожно, дрожаще двигая ими перед собой, отчего задралась короткая юбка, а другая женщина сбоку, темноволосая, худая, вытянув свой острый профиль, перекосив губы, злобно толкала вниз, отгибала эти оголенные ее колени, помогая мужчине достать кулаками лицо избиваемой.

Я сцепил зубы и, не отдавая себе отчета в том, что сделаю или смогу сделать в следующую секунду при виде новой изощренной расправы за стеклами автомобиля, повернул к обочине, где в форме машинного блага стояла эта современная камера пыток, и сейчас же услышал сердито предупреждающий голос жены, сидевшей около меня:

— Я тебя прошу — не надо останавливать машину!

— Это невыносимо! Ты посмотри, что они делают с женщиной!

— Я вижу. Но, может быть, она сама ужасно виновата.

Лицо жены, привыкшее к гриму, было бледно, как бывало всегда после спектакля, после умывания в артистической, и я вдруг впервые увидел две незнакомо остренькие морщинки, не тронутые тоном, возле ее накрашенных губ, колечком захвативших вынутую из пачки сигарету.

Она не сказала больше ни слова. Она курила, выпуская дым к ветровому стеклу, и задумчиво сбивала пепел длинным розовым ноготком.

Я тоже молчал, изредка осторожно косясь на жену, ибо любил и ревновал ее без памяти, независимо от двадцати прожитых вместе лет, и, пораженный, убитый этими двумя остренькими морщинками у ее губ, неожиданной загадочной фразой, думал, что все-таки она предала меня с кем-то или предаст в некий черный день,— и было мне страшно, как будто неподалеку усмехалась нам обоим одинокая старость.

ДИАЛОГ НА СКАМЕЙКЕ В ПАРКЕ

— Вы были замужем?

— Да, была.

— И давно? То есть... вы еще очень молоды.

— О, у меня уже сын пяти лет. Мы разошлись.

— Значит, вы его не любили?

— Если бы не любила! Но лучше некрасивая правда, чем красивая ложь. Я простила бы его, если бы он рассказал все честно. А он говорил неправду. Он оправдывался, он объяснял, что это случилось в госпитале, что она врач и непохожа на меня, как небо на землю, что он любит одну меня. А я не смогла... простить. Я заставила его повернуться спиной и отвечать на вопросы. Я спрашивала, он отвечал. Самое ужасное было то, что он плакал и все-таки лгал, лгал. Потом он хотел взять сына... Он не женился до сих пор. Он каждый год приезжает сюда посмотреть на сына...

— Он приезжает посмотреть не только на сына, поверьте мне!

— Бессмысленно. У меня все перегорело, остались одни уголечки.

УТРО

Утро в детстве пахло голубиным пером, влетевшим со двора в окно и опустившимся на горячую от солнца подушку.

ВЗГЛЯД

Я видел это на пригородной танцплощадке.

Веселый, горбоносый, гибкий, с фиолетовым отливом черных глаз, он пригласил ее танцевать с таким зверским жадным видом, что она испугалась даже, глянув на него жалким, растерянным взглядом некрасивой девушки, которая не ожидала к себе внимания.

— Что вы, что вы!

— Раз-решите? — повторил он настойчиво и показал крупные белые зубы деланной улыбкой.— Мне будет оч-чень приятно.

Она оглянулась по сторонам, будто в поиске помощи, быстро вытерла платочком пальцы, сказала с запинкой:

— Наверное, у нас ничего не получится. Я плохо...

— Ничего. Пр-рошу. Как-нибудь.

Он танцевал бесстрастно, щегольски и, полный холодного высокомерия, не глядел на нее, она же топталась неумело, мотая юбкой, нацелив напряженные глаза ему в галстук. И вдруг толчком вскинула голову — вокруг перестали танцевать, выходили из круга, послышался свист, за ними наблюдали, видимо, его приятели делали замечания с едкой насмешливостью, передразнивали ее движения, трясясь и корчась от смеха.

Ее партнер каменно изображал городского кавалера, а она все поняла, всю непростительную низость красавца партнера, но не оттолкнула его, не выбежала из круга, только сняла руку с его плеча и, ало краснея, постучала пальцем ему в грудь, как обычно стучат в дверь. Он, удивленный, склонился к ней, подняв брови, она снизу вверх медленно посмотрела ему в зрачки с непроницаемо-презрительным выражением опытной красивой женщины, уверенной в своей неотразимости, и ничего не сказала. Мне показалось, он переменился в лице, потом отпустил ее и в замешательстве как-то чересчур вызывающе повел к колонне, где стояли ее подруги.

У нее были толстые губы, серые, большие, как бы погруженные в тень диковатые глаза. Да, она была бы некрасивой, если бы не темные длинные ресницы, почти желтые ржаные волосы и тот взгляд снизу вверх, преобразивший ее в красавицу и навсегда оставшийся в моей памяти.

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото М. САВИНА

Коллекция минералов и аммонит — остаток окаменевшего животного. ● Так выглядит всем знакомая акация в школьном гербарии. ● А это жук-олень. ● За «операционным» столом Таня Орешонкова. ● Каракатица неприятна только на первый взгляд. ● Еще одна коллекция минералов. ● Эти ромашки хоть и засушены, но все лепесточки сохранились.

Я ПОМНЮ ГЛОБУС

Глобус был довольно большой, но обшарпанный и помятый. На Тихом океане — три аккуратных круглых дырочки, а вместо Антарктиды — прореха, кое-как заклеенная куском полосатых обоев. И все же мы любили этот глобус! Больше того, залатанный и продырявленный глобус — самое яркое и самое дорогое воспоминание моего школьного детства, пришедшегося на годы войны.

Мы знали, что наша учительница до июня сорок первого жила в Бресте, что ее сынишка погиб во время бомбежки, что от мужа, пехотного командира, нет никаких вестей, что у нашей Валентины Николаевны от довоенной жизни не осталось ничего, кроме пробитого пулями и осколками глобуса.

Мало что осталось и у нас, эвакуированных мальчишек. Шел сорок третий год, наши наступали. Поэтому каждый день мы начинали с того, что весело переставляли флажки, которыми отмечали линию фронта. Флажки неумолимо двигались на запад! А на их месте все чаще появлялись черные кружочки — так мы отмечали места, где погибали наши отцы. К концу сорок четвертого глобус был будто обсыпан шрапнелью: тридцать четыре черных отметины навечно въелись в карту и наши сердца.

Нас было тридцать пять — тощих мальчишек с застывшими глазами. Без черной отметины остался только я, последний в классе. С какой завистью смотрели на меня ребята! Еще бы, у меня жив отец! Но вот грянуло зимнее наступление в Польше... Три дня я не ходил в школу после того, как вместе с почтальоном к нам зашел однорукий капитан из военкомата. А потом я собственноручно поставил черную точку где-то на Висле.

Вскоре была поставлена точка и войне. Мы разъехались по своим родным городам и не один десяток лет потратили на то, чтобы по тем черным отметинам найти братские могилы и одинокие холмики, где лежат наши отцы. Многие так и не нашли. Я в их числе.

Но что стало с глобусом? Где он? Теперь-то я понимаю, что место ему в музее. А тогда мы забыли об этом страшном документе войны, и никто из моих одноклассников не помнит, куда делся всем нам дорогой глобус...

Когда я рассказал об этом Зинаиде Александровне Лазаревой, работающей на фабрике «Природа и школа», та потянулась за платочком.

— Наш это глобус, наш! Мы его делали, мы, и никто другой! Я-то знаю. Ведь я здесь с тридцать восьмого года... Пришла сюда сразу после окончания пединститута. И хотя заниматься пришлось в основном подготовкой зоологических препаратов, я хорошо помню, как мои подружки делали глобусы. Честно говоря, я им немножко завидовала: представляете, в руках земной шар, а ты, хоть и мысленно, можешь побывать, где только вздумается.

Во время войны мы продолжали работать: шили солдатские рукавицы, чехлы для фляжек и маскхалаты... А по вечерам собирались в самой теплой комнате и составляли гербарии, возились с засушенными бабочками, делали глобусы. Я никогда не забуду, как возвращались в Москву эвакуированные дети, с каким волнением мы их ждали, как старались подготовить классы и все наглядные пособия к первому послевоенному школьному звонку. А как мы радовались и волновались, когда нас вызвали в военкомат и вручили медали «За оборону Москвы»! Значит, не пустяками мы занимались, значит, Родине нужны были не только рукавицы и маскхалаты, но также гербарии и глобусы.

Тогда наша фабрика была разбросана по всему городу: ютились в подвалах и бараках. Зато теперь у нас прекрасные цеха, раскинувшиеся в одном из живописнейших районов Москвы — Лосиноостровском лесопарке. Я стала начальником цеха зоопрепаратов. Каждый месяц отсюда «разлетается», «расползается» и «разбегается» свыше трехсот тысяч бабочек, мух, жуков, скорпионов, тарантулов, скарабеев, лягушек, червей, змей и ужей. Не забывайте, что наша фабрика — единственное предприятие такого рода в стране. На будущий год нам стукнет семьдесят лет.

— Зинаида Александровна, я вижу, в цехе довольно много молодежи. Есть ли среди них ваши ученики?

— Да все они мои ученики! Есть, правда, более прилежные, а есть... В нашем деле что главное: аккуратность, верный глаз и твердая рука. Вот, скажем, Таня Орешонкова. Пришла к нам четыре года назад, делать, само собой, ничего не умела. Зато, как говорится, глаз — ватерпас! Теперь за ней не угнаться и ветеранам...

Я подошел к рабочему столику Тани. Белый халат, хирургические перчатки, скальпель, пинцет, игла,— впечатление такое, будто попал в операционную. Впрочем, то, что делает Таня, есть самая настоящая операция. Она разрезает бездыханную лягушку, обнажает все внутренние органы, прикрепляет к ним крохотные номерочки (потом по этим номерам, сверяясь с таблицей, школьники будут узнавать, где сердце, где легкие и т. п.) и фиксирует все это в стеклянной банке с формалином. За смену она должна «смонтировать» ни много ни мало сто пять лягушек, или пятьсот улиток, или сто гадюк...

После этой своеобразной операционной я побывал в цехе, где составляют гербарии, раскрашивают муляжи овощей и фруктов, обрабатывают коллекции минералов... И вот, наконец, глобусный цех!

Самое трудное — сделать полый шар. До недавнего времени его изготавливали вручную из папье-маше. Такой шар легко разбить, порвать, наконец, он может просто раскиснуть от сырости. Теперь шары выдувает специальная машина. Несколько секунд — и идеально гладкий шар из ударопрочного полистирола готов. Потом девушка берет земной шар и — бац! — пришлепывает Северный полюс. Вся карта разрезана на двенадцать сегментов. Начинают оклейку обязательно с Африки, затем идет Азия, Австралия, Тихий океан... Последний сегмент, на котором изображен Атлантический океан, должен тютелька в тютельку состыковаться с берегом Африки. Вот тут-то и поджидает девчат главная каверза: у одних океан не доходит до берега Африки, у других «заливает» все прибрежные города и заодно самую знойную часть Сахары. Хорошо, что бумага достаточно упругая и ее можно чуть-чуть растянуть или присборить, а затем тщательно разгладить специальной косточкой. Наконец, приклеена Антарктида — и глобус готов!

— Нет, еще не готов,— поправила меня контролер ОТК Лена Лукина.— Шар надо покрыть лаком, надеть на ось и водрузить на подставку — только после этого он будет называться глобусом. Мы выпускаем глобусы четырех размеров: от ста двадцати пяти до четырехсот пятидесяти миллиметров диаметром. Карты на них разные: физическая или политическая. Наша особая гордость — лунный глобус, их не делают нигде в мире! Месячный план — около пятнадцати тысяч глобусов, и каждый проходит через мои руки. Не припомню случая, чтобы хоть один вернула на переделку: наши девушки работают аккуратно и всякого рода недоделки ликвидируют сами.

Я стоял и смотрел, как споро работают девичьи руки. Вот наклеена карта Европы — яркая, многоцветная. Вот сине-голубой Тихий океан с перекрещивающимися пунктирами морских путей. А вот и снежно-белая Антарктида с крохотными точками обжитых полярных станций.

Я смотрел, вспоминал свое детство и думал: «Какое это счастье, что наши дети наносят на карты и глобусы не черные траурные точки, не флажки наступления фронтов и армий, а красные кружочки новых городов; раскрашивают в яркий, радостный цвет освободившиеся от колониализма государства!»

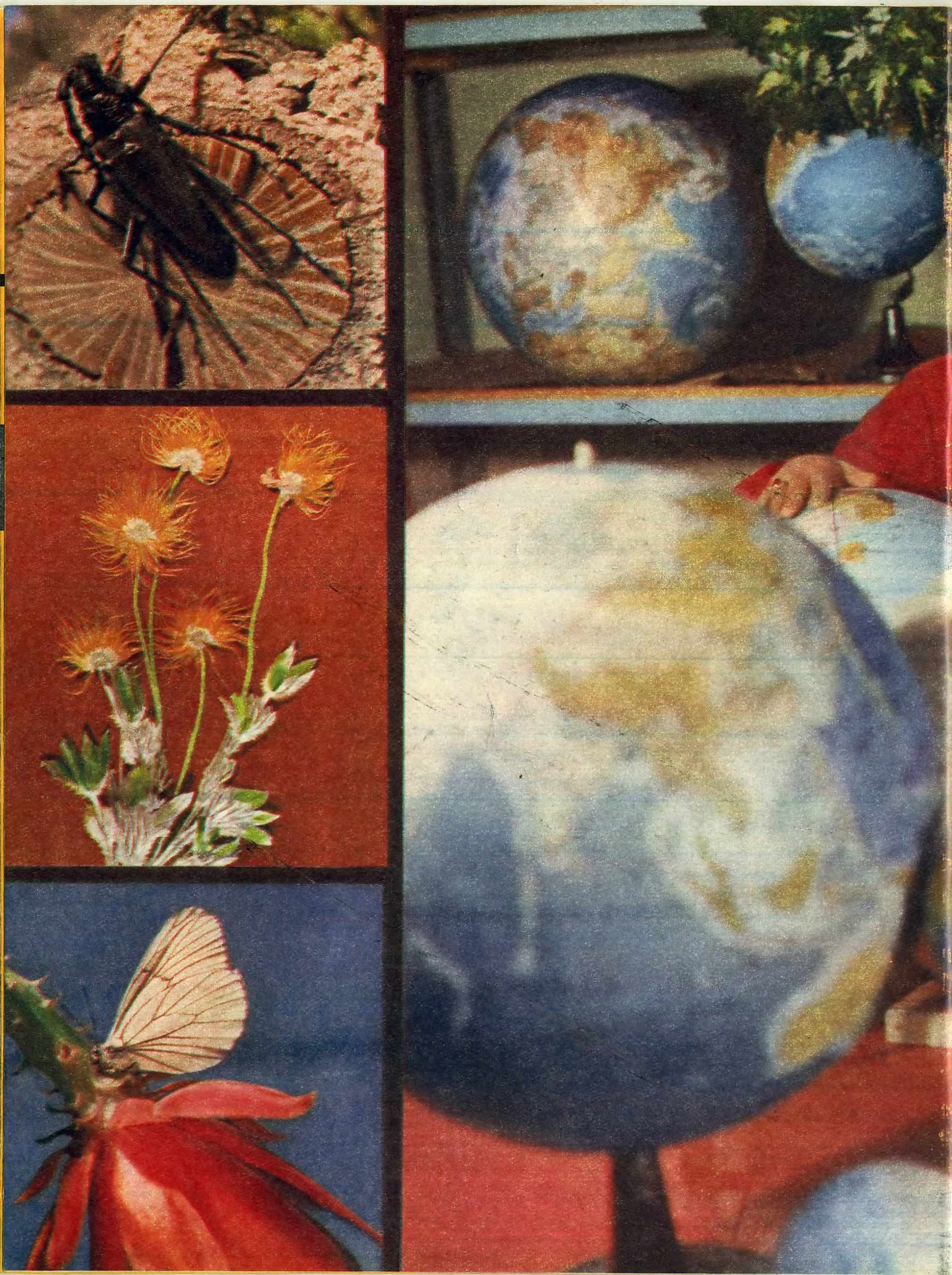
И все же мне никогда не забыть тот старенький, пробитый пулями и осколками глобус. Ведь те черные точки и флажки не только на карте, они в сердце. Слишком дорогой ценой за них заплачено...

Первое, что сделал мой сын, когда я подарил ему глобус,— нарисовал черный кружок где-то на Висле.

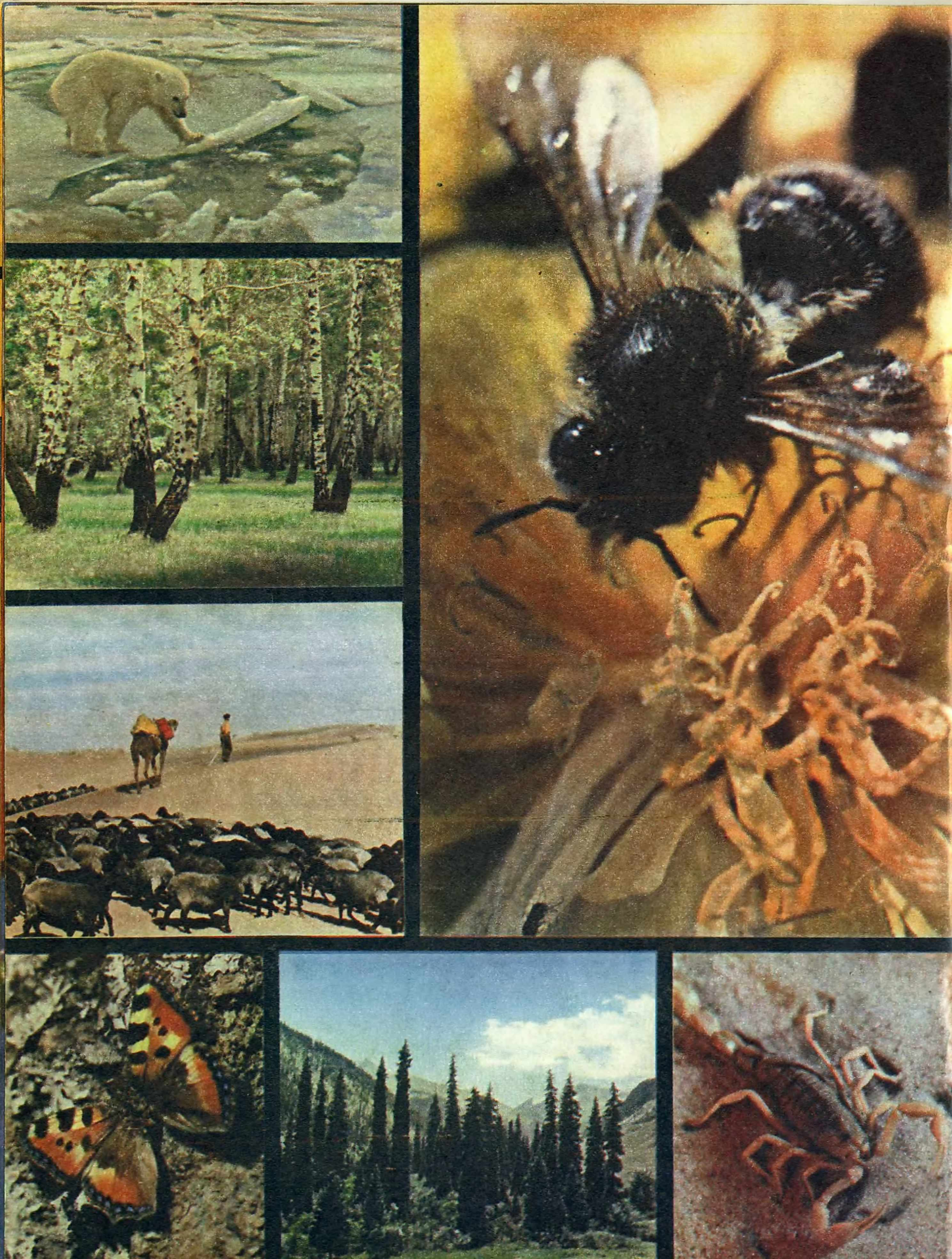
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ.

Жук-усач. ● Это растение называется «Прострел Галлера». ● Бабочка-белянка, конечно же, знакома всем. ● Ни один глобус не минует рук контролера ОТК Лены Лукиной. ● Чтобы подержать в руках краба, морского ежа и морских звезд, школьникам не придется нырять с аквалангом. ● Есть в гербарии и пионы... ● А эта бабочка называется «Дневной павлиний глаз». ●

Михаил БЕЛЯЕВ

Свет родных полей

ЗНОЙ

Все лето ливень лил густой,
Непроходимый,
Откровенный.
И вдруг лимонно-желтый зной
Разлился,
Добрый и степенный.

Такой у зноя аромат:
Вдохнешь —
Сильнее станешь вдвое.
И пчелы, кажется, спешат
Наполнить ульи
Этим зноем.

●

Где-то есть на земле
эдельвейсы —
Белизна недоступных вершин.
А со мной мои дольние веси —
Ключевина моих ключевин.

Оглянусь! То ли свет,
то ли посвист,
То ли шепот преданий и струн,
То ли кто-то свидания просит,
Востроглаз, и доверчив, и юн.

Я еще и отзывчив и крепок —
За плечом перекатится гром.
Эти частые прóсветы неба,
Как улыбки друзей за столом.

Отзываюсь!
Как будто и солнце
Первых встреч моих не протекло.
Славно юность веселая жжется!
Славно жжется ночами село!

Вздрогну в первом
ночном разговоре,
И, как дедам в далеких веках,
Сокрушительно свежие зори
Не дадут устоять на ногах.

Белый свет в колосках открываю,
Слышу нежные вздохи глубин,
Приникая к родимому краю —
Ключевине моих ключевин.

●

От песен стал я часто уставать,
Все реже отличаю их от крика,
Но где же песни,
Что мне пела мать
И в будни и на празднике великом?

Просторные в раздумии своем,
Доступные веселью и печалям.
Домой ли шел
Иль покидал я дом —
Повсюду песен тех не забывал я.

И неподвластен лжи я был и злу,
Где все порой
От модных криков стыло,
Где и любовь не верила теплу,
Там песня-дума сердце молодила.

Я в суете не порастратил сил,
И между криков мир не стал мне тесен.
Ни на единый миг
Не изменил
Я совести людской
Протяжных песен.

СНОВА ВМЕСТЕ

Молния крутая.
Свежий ход дождей.
Песня молодая
Матери моей.

Молока в ведерке
Полудремный звон:
Шесть берез на взгорке.
Гром со всех сторон.

Белое хожденье
Вымытых стволов.
В доме оживленье —
Голоса сынов.

Снова вместе! Значит,
Не помеха дождь!
И в дожди горячим
К матери идешь.

Ужин ей закажем,
С нею посидим,
Обо всем расскажем,
Обо всем решим.

Это знает каждый:
Мать и в снах зовет.
...Здесь ее однажды
Каждый не найдет.

Сторона родная,
Свет родных полей,
Молния ночная,
Свежий ход дождей.

БОЕВАЯ ПРОФЕССИЯ

Сраженьям учиться, учиться,
И карты от стрел тяжелы.
В трудах напряженных граница,
На маршах учебных тылы.

И трепет сердец одинаков.
Наш разум солдатский и пот
Сверяют и пушек и танков
Отцами отточенный ход.

Сверяем упорство и смелость,
Лавины ночные тревог.
Ложится в раздумья,
как зрелость,
Машин боевых холодок.

Мы Родине службою верной
Роднимся в строю, как один.
Профессия воина первой
Врывается в песни мужчин.

И нашей летит над веками
Профессии воинской свет.
Как раньше владели штыками,
Владеем полетом ракет.

Рассветы над русскою каской
Спокойны, светлы и прямы.
Три степени Славы солдатской
Четвертой овеяли мы.

●

В Пушкарово
Спешу я по весне,
Зовет земля
К родному дому,
И открываются начала мне,
Как ливни полю ледяному.

Задумчив мерный ход
Шагов моих,
Остро мое внимание
К побегам:
Так не близки они
В краях иных
И так в душе
Не вызывают эха.

Подснежников
Ручьи по рубежу.
И жаворонков
Звончато паренье!
И снова
Слух пропавший нахожу
И нахожу
Потерянное зренье.

●

Наполнен солнцем двор.
Май.
Гости пляшут.
В цветущих вишнях
Захмелел покой.
Опять на грушу
Старенькую нашу
Семья скворцов
Примчалась на постой.
Зол баянист.
Он зазывает встречных.
Кто не запляшет
В хлынувших цветах?
И кинул дробь залетную
Скворечник —
Скворец прошелся в нем
На каблуках!

● От Сахалина до Бреста и от Кушки до Мурманска разбросаны так называемые цеха сборов фабрики «Природа и школа». ● Бабочка-крапивница, шмель и скорпион — такого соседства в природе не встретишь.

Глава I

ЯДОВИТЫЕ ОТКРЫТКИ

Генерал Басков много повидал на своем веку. Ему доводилось наблюдать человеческие поступки, в которых проявлялся такой высокий дух и такая могучая воля, что он считал для себя большой честью быть хотя бы простым их свидетелем. Приходилось ему по роду службы иметь дело с такими субъектами, что порой омерзительно было дышать с ними одним воздухом. В общем, широта его представлений о людях и о мотивах, движущих их деятельностью, давно уже позволяла ничему не удивляться.

И генерал не очень-то был удивлен, когда из Москвы ему прислали в пакете несколько необычных открыток. Начав читать одну, генерал держал ее за уголок между указательным и средним пальцами левой руки. Он никогда не был ни сентиментально-чувствительным, ни брезгливым, но после первой же фразы поставил открытку на стол, прислонив к чернильнице.

Она адресовалась в редакцию одной из московских газет, содержала ругательства и была антисоветской. Подписано: «Группа содействия». Что за группа? Кому содействует? Почерк, вероятно, чуть измененный, мелкий, но разборчивый. Ни одной ошибки, все запятые расставлены точно. Слог интеллигентный и говорит о начитанности автора. Почтовый штемпель свидетельствует, что открытка отправлена в Москву из города, где работает генерал.

Вторая открытка, тоже посланная в редакцию центральной газеты, была заполнена жалобами некоего «старого потомственного рабочего» Соломахина, который стал жертвой административной несправедливости, лишен квартиры. В конце — угрозы. Остальные открытки в том же духе. Все явно принадлежат одной руке, стиль везде одинаковый.

Разные бывают анонимщики. Когда человек сообщает в ОБХСС или в комиссию народного контроля о каких-то злоупотреблениях другого человека, о хищениях или преступной бесхозяйственности и, опасаясь ответных мер со стороны разоблачаемого, не называет себя,— это еще как-то можно понять, да и то с трудом. Но есть анонимщики, которые шлют письма руководству учреждений, райкомам партии, разным комиссиям, женам и мужьям своих сослуживцев или соседей с единственной целью — укусить исподтишка, посеять сомнение в чьей-то честности или супружеской верности и из темноты наблюдать, потирая липкие свои ладони, как хорошие, прямодушные, наивные люди растерянно объясняются друг с другом, оскорбленные и удрученные низостью клеветника. Этот тип анонимщиков вызывает чувство гадливости. Диву даешься: неужели для того только и учили людей грамоте?

В принципе лучший ответ анонимщикам — не реагировать на их грязные писания. Генерал не мог поступить так. Его служебный опыт давал ему право рассматривать «Группу содействия» как мрачный курьез, плод воспаленного воображения, но антисоветский тон открыток и сам факт, что именно в открытых, а не закрытых письмах решил излить свою душу аноним, настораживал. Вероятно, писавший рассчитывал на то, что открытки прочтут по пути к адресату многие глаза: начинались они словами «К сведению всех!».

К тому же автор, вероятно, рассчитывал сыграть на внимании, которое оказывается в редакциях да и вообще во всех учреждениях письмам.

Перечитав их еще раз, Басков понял, что не отступится, пока не увидит автора. Что-то было задето в самой глубине его существа.

Кто он, этот аноним? Чем занимается? Как живет? Судя по стилю, ему привычнее держать авторучку, чем рукоятки токарного станка или баранку грузовика.

Что водило его пером? Бессильная злоба? Желчь злопыхательства? Или какая-то обида, переродившаяся в слепую ненависть? Ясно одно: это, конечно, не агент какой-то разведслужбы, агенты так не действуют. Это скорей всего полуфабрикат, но, если такая личность вдруг попадет в чужие руки, она может превратиться в активного врага.

Генерал поднял трубку внутреннего телефона и набрал номер капитана Краснова.

— Зайдите ко мне...

Тут по устоявшемуся правилу — или штампу? — следует сказать: генерал неспроста вызвал именно капитана Краснова. Надо сказать, что, мол, Краснов был как раз тем человеком, который более других подходил для данного случая. Ничего не поделаешь, мы так и поступим, ибо так оно и было: именно Игорь Краснов, как никто другой, годился для розыска анонима и для работы с ним.

Путь Краснова в органы госбезопасности был если и не типичным, то очень простым. Окончив восемь лет назад юридический факультет, он полгода служил помощником районного прокурора, потом три года работал в угрозыске, тогда и в партию вступил. Когда ему предложили перейти в управление КГБ, он высказал совершенно искреннее сомнение: мол, справлюсь ли? — потому что считал все, связанное с работой чекистов, категорией какого-то высшего порядка, до которой он еще не дорос. Но беседовавший с ним человек напомнил, что, во-первых, в практике Краснова уже было два случая, которые по своим особенностям потребовали тесного контакта с чекистами, а во-вторых, чекистский опыт — дело наживное. Главное — в чертах личности. «Я не буду эти черты перечислять, потому что не люблю громких слов,— сказал тот человек.— Но, как нам кажется, вы, Игорь Иванович, ими обладаете. Поэтому не терзайтесь сомнениями». Краснов согласился, но все-таки не без сомнений.

Вообще-то он был, как говорится, не робкого десятка, иначе бы ему в угрозыске не удержаться. Более того, на его счету числилось там несколько дел, которые по зубам только очень решительным и смелым людям. Он стал самым заправским опероаботником. За три года Краснов сделался даже несколько развязнее в общении, а в его обиходной речи проскакивали кое-какие словечки из специфического лексикона тех, кому он при аресте надевал наручники. Все это Краснов с удивлением замечал за собою и вел с этим борьбу, не всегда, правда, успешную, однако твердо знал, что избавится от шелухи. Склонный к самоанализу, он понимал, что начал поддаваться чисто внешнему влиянию своих малосимпатичных «подопечных» лишь по молодости лет. Но все же испытывал недовольство собою, особенно когда в разговоре с обычными, честными и порядочными людьми у него с языка непроизвольно срывалось что-нибудь вроде «залепухи» или «поканали». Бреясь перед зеркалом, он иной раз ловил в выражении своего лица нечто неуловимо чуждое тому, что он привык видеть до поступления в угрозыск,— сдвинутые брови, кривую складку в углу рта. И чтобы все это разгладить, он в такие дни старался вспомнить себя совсем молоденьким, когда уезжал учиться из родного села, вспоминал, как в сопровождении заплаканной мамы, перед тем, как идти на станцию, ходил прощаться с отцом в его авторемонтную мастерскую.

Когда решался вопрос о важной перемене в жизни, посоветоваться ему было не с кем. Жениться в свои тридцать два года он еще не успел — все не о том как-то думалось. Родителям он посылал письма хоть и не часто, но регулярно, да ведь что могут посоветовать старики, столь далекие от его забот? И вообще о подобных вещах он ни с кем не считал себя вправе разговаривать, полагал, что эти вопросы надо самому решать. Не маленький...

Краснова сначала послали на краткосрочные спецкурсы, а сразу после их окончания его вызвал для знакомства и напутственной беседы начальник областного управления КГБ генерал-майор Басков.

Генерал увидел перед собой среднего роста светловолосого человека, смотревшего на него своими синими глазами чуть настороженно. Генерал по анкете знал, что он тридцать девятого года рождения, значит, ему всего тридцать два, но выглядел этот новичок значительно старше своих лет, эдак под сорок. Может быть, оттого, что был он плотного телосложения, а у глаз и на лбу даже издалека заметно прочерчивались морщины. Генерал давно, еще на заре своей чекистской юности, выработал правило не доверять первому впечатлению, однако новичок вызвал в нем симпатию. И генерал подумал, что будет рад, если не ошибется.

Краснов доложил о себе по форме, официально. Генерал, пригласив его сесть, сказал: «Меня зовут Анатолий Иванович. Можно без чинов». Краснов тихо произнес: «Есть, товарищ генерал»,— чем вызвал у Баскова улыбку.

Первое дело, порученное Краснову, было не из тех, о каких грезят мальчишки, мечтающие стать легендарными ловцами шпионов и диверсантов, однако оно сразу создало Краснову хорошую репутацию среди товарищей по управлению.

А суть вот в чем. Список государственных преступников включал в себя некоего С. Этот предатель служил у фашистов сначала полицаем, потом в гестапо и зверствовал в западных областях Украины, превосходя в усердии своих хозяев. После освобождения оккупированных территорий он исчез бесследно, однако удалось установить, что С. остался в пределах страны. Десятки лет числился он в списке разыскиваемых, и те, кому положено искать этих выродков, словно бы носили камень на своей человеческой и профессиональной совести, пока такой вот С. гулял на свободе, пока не отомщена пролитая им людская кровь.

От дела С. веяло безнадежностью, но прекращению оно не подлежало. И его поручили Игорю Краснову. Он, конечно, старался. За три месяца он облетел чуть не всю страну, встречался не менее как с двумя сотнями человек, вдоволь наглотался архивной пыли. Мало спал, мало ел и потому похудел на целых шесть кило. И хотя синие глаза его запали немного, он помолодел и выглядел теперь не на сорок, а на тридцать. И не столько потому, что сбросил лишние килограммы, сколько потому, что нашел С.

В истории поиска не было, собственно, ничего необычного, кроме одного момента, который и заставил старших товарищей Краснова глядеть на него с уважением, так как подобные моменты встречаются не столь уж часто.

С., чтобы надежнее замести след, придумал не укладывающуюся в голове нормального человека вещь. Нет, он был психически совер-

Олег ШМЕЛЕВ,

Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ.

Знаком

шенно нормален, но в нем гнездился звериный страх перед расплатой, а расчет был прост: лучше лишиться какой-то одной части тела, чем жизни. То, что он сделал, каждый сочтет изуверством по отношению к самому себе, но такова уж была его лютая натура, а на всяческое костоломство он во времена службы в гестапо стал великим мастером. Без содрогания слышать о подобном невозможно, но если покопаться в истории человеческих пороков, то можно вспомнить, что в старинные времена находились же убийцы-каторжники, которые, чтобы, идя этапом на Сахалин, подольше задержаться в приглянувшейся им пересыльной тюрьме, прибивали себя гвоздями к нарам. Подумать страшно...

Пробираясь подальше на восток, С. февральской ночью 1945 года на небольшой станции под городом Куйбышевом, метрах в пятидесяти от станционного здания, положил на рельс левую ногу перед проходившим тормозившим поездом, положил аккуратно, икрой. Закрутило его по щебенке, ободрало всего, но левая нога ниже колена была отрезана именно так, как ему хотелось. Закричал он неистово, сбежались люди — станционные и из пассажиров. Нашлась умелая женщина, наложившая ему тугой жгут, нашлись сани, на которых С. отправили в поселковую больницу, где хирург сделал ему операцию.

Надо сказать, что перед тем С. выпил две бутылки крепчайшего самогона — не для храбрости только, а и для того, чтобы все выглядело, по его собственному выражению, «в натуре». Заполняя после операции историю болезни, хирург записал, что пострадавший найден в состоянии сильного опьянения. В кармане гимнастерки у С. лежали документы на имя младшего сержанта Пахомова, демобилизованного из армии по причине тяжелого осколочного ранения именно в левую ногу, сделавшего голеностопный сустав неподвижным. Утром хирург без особенного любопытства и тщания осмотрел обрубок ноги, но он был так разможжен, что разобраться, где там приходилась рана и подвижен ли сустав, не представлялось возможным, да хирург и не очень-то к этому стремился. Ведь хотя и по пьяному делу, но пострадал Пахомов хуже, чем на фронте.

Хирурга понять можно. Так же как и тех, кто занимался розыском С. до Краснова. На него и раньше выходили, но в конце концов все-таки снимали подозрения. Искали-то человека с двумя ногами, а С.— Пахомов был одноногий. Да к тому же он, между прочим, от протеза отказался, всегда на костылях, чтобы всякому было видно, что он одноногий инвалид.

Краснов нашел С. на Урале. Тот жил в большом городе вдвоем с женой, получал пенсию как инвалид войны и работал директором пошивочной мастерской. Краснов все раскопал, добыл такие доказательства и составил такое обвинительное заключение, что ни один суд не смог бы его опровергнуть.

Что называется, единым махом Краснов стал в один ряд с опытнейшими сотрудниками областного управления КГБ. Но дело, которое ему поручили после этого, показалось Краснову до обидного неинтересным и малозначительным. Какие-то юнцы вьются вокруг иностранцев, какие-то тряпки, жевательная резинка... Нет, он не задрал нос после первой же удачи, ему это не грозило даже и после десяти удач, ибо он никогда не считал себя лучше других, но все же ожидалось что-то более серьезное после того, как он показал себя в работе.

Словно подслащивая пилюлю, ему в тот же день выдали ордер на однокомнатную квартиру, в которой уже стоял телефон. Раньше он жил в коммунальной квартире с двумя соседями, в комнате площадью двенадцать квадратных метров.

Переехал он за один день, и для кухни столик и шкафчик успел купить, и еще осталось время написать письмо матери с отцом.

Со следующего утра он занялся юнцами. Дело это было из того ряда, который проходит под аптекарски невкусной рубрикой: «Профилактика». Однако по мере углубления в новую работу Краснов неожиданно для себя обнаружил, что ему интересно. Оказалось, все это не так уж невинно и незначительно. Двое из компании зашли уже так далеко, что еще шаг, и их можно было бы привлекать к ответственности по весьма суровой статье уголовного кодекса, трактующей об измене.

Краснов занимался юнцами и их легкомысленными подругами дольше, чем с С. И в конце концов переломил их хрупкую судьбу. И почувствовал неведомую дотоле радость. Остановить человека в метре от черты, за которой начинается предательство,— это рождало совершенно особенное удовлетворение.

Краснов почувствовал вкус и тягу к такого рода делам и с тех пор в течение трех с лишним лет только ими и занимался...

Именно потому генерал Басков вызвал капитана Краснова, когда прочел ядовитые открытки. Басков считал профилактическую работу очень важной.

Войдя, Краснов остановился у двери.

— Вы меня звали, Анатолий Иванович? — Он уже давно перестал смущаться перед генералом и относился к нему просто с тем почтением, которого достоин человек старше годами, опытом и должностью.

Басков кивнул на открытки, лежавшие перед ним, и откинулся на спинку кресла.

— Прочти.

Краснов взял открытки, сел к длинному столу. Прочел раз, прочел другой, сказал протяжно:

— Да-а...

— Надо найти автора.

— Автора? — спросил Краснов, нажимая на последнюю «а».

— Писано одной рукой. Приглядись: почерк изменен, но везде одинаково изменен.

Краснов перечел открытки.

— Вы правы, Анатолий Иванович.

— Ищи.

— Найдем. Я свободен?

— Текущее отложи, занимайся только этим. У тебя там ничто не горит?

— Только что закруглился.

— Ну и хорошо. Иди.

...Прежде чем составить план правильного регулярного поиска, Краснов решил выяснить, кто такой «старый потомственный рабочий Соломахин», которому посвящена одна из открыток. Если это не мифическая личность, у него сразу окажется в руках зацепка.

В городе нашлось четыре Соломахина. Соблюдая обязательную в таких случаях щепетильность, Краснов собрал о них сведения, которые были глубже анкетных, но все же довольно поверхностны, и это вполне естественно. Если справки наводятся окольными путями да еще при жестком условии, чтобы не бросить на человека ни малейшей тени,— такие справки не могут дать о человеке исчерпывающего представления.

На дворе стоял июль, изнурительно жаркий в этом городе, и Краснову пришлось попотеть за десять дней, потраченных на Соломахиных,— и в буквальном и в переносном смысле. Даже в море ни разу не купался.

Из четверых только один Соломахин был рабочим — токарем электромеханического завода. Правда, он не старый, а всего на год старше самого Краснова. И квартиры не лишен, как утверждается в открытке, а наоборот, полгода назад получил двухкомнатную в новом доме. Зовут этого Соломахина Николаем Егоровичем. Член партии. Женат, есть сын семи лет. Имеет автомашину «Запорожец», старенькую, первого выпуска.

С него-то и начал Краснов и предпочел действовать в открытую.

Рано утром в субботу он приехал на улицу Гончарова. От автобусной остановки до дома № 47 было метров сто. Несмотря на то, что шел лишь девятый час, пекло неимоверно. Когда набегал ветерок, акации, уже успевшие припылиться, шелестели сухим бумажным шелестом.

Пройдя полпути, Краснов увидел справа небольшой пустырь и на нем разноцветные коробки вплотную друг к другу поставленных железных гаражей, штук двадцать. У большинства ворота были растворены, хозяева хлопотали возле машин.

Краснов подумал, что, может, и Соломахин здесь, и свернул к гаражам. В третьем справа стоял на домкратах «Запорожец» со снятыми задними колесами. В дальнем углу гремел железками невысокий человек с коротко стриженным затылком, в рубахе с коротким рукавом. Краснов чутьем угадал, что это и есть Соломахин. Из железной коробки дышало теплым бензином.

— Здравствуйте, Николай Егорыч! — сказал он весело.

Соломахин обернулся, ответил машинально, не разобрав, что голос незнакомый:

— Привет.— Потом, взглянув на Краснова, оставил свои железки, вышел из угла.— Ко мне? Вы что, из газеты?

— Нет. А почему вы решили — из газеты? Из какой? — все так же весело спросил Краснов.

Соломахин как будто насторожился и, в свою очередь, спросил:

— Ну, раз вы не корреспондент, так откуда меня знаете?

Краснов поглядел на белесо-голубое небо.

— Жарковато тут, Николай Егорыч. И курить опасно. Где бы нам поговорить?

Соломахин был, видно, человек догадливый.

— Можно пойти ко мне.

— Лучше прогуляемся по улице. Там хоть тенечек есть.

Соломахин запер гараж на висячий замок, и они пошагали на теневую сторону улицы.

— Закурим,— сказал Краснов и вместе с пачкой сигарет «Новость» достал из кармана свое служебное удостоверение, развернул его в пригоршне.— Вот, посмотрите.

Соломахин опять-таки все понял: незнакомец предъявляет документ так, чтобы не привлечь внимания посторонних. В удостоверение он глядеть не стал, а сигарету взял. Закурили.

— Вы не удивляйтесь, Николай Егорыч,— начал Краснов, но Соломахин перебил его:

— Не знаю, как вас звать.

— Игорь Иванович.

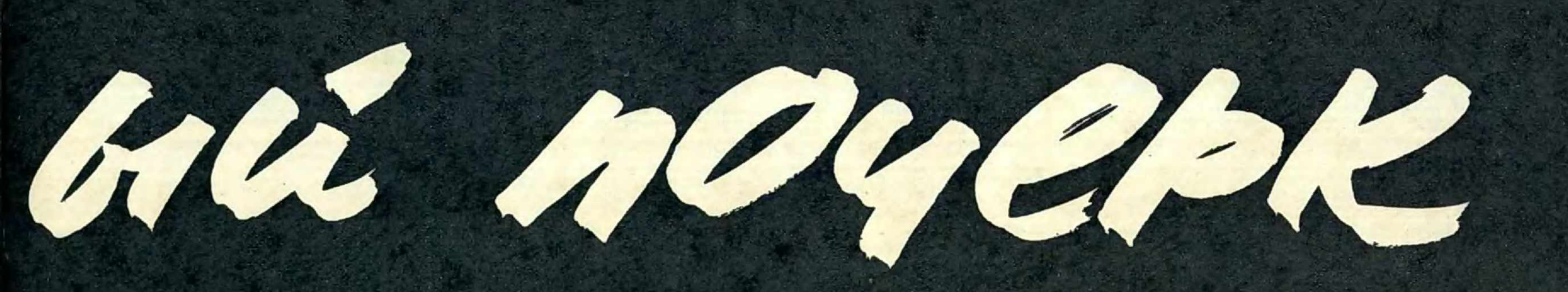
— Ну, будем знакомы,— серьезно сказал Соломахин.

У Краснова еще там, в гараже, когда Соломахин помянул про газету, мелькнула догадка — вовсе не блестящая, скорее простая, как гаечный ключ, который Соломахин держал в руке. Теперь у него план разговора изменился. Он спросил:

— Почему все-таки вы меня приняли за корреспондента? Приходилось давать интервью?

Соломахин усмехнулся:

— Какое там интервью! Фельетон обо мне писали.

Теперь совет не удивляться следовало бы дать Краснову.

— То есть как? За что?

— Не против меня фельетон. Наоборот.

— Не понимаю.

— Ну, конфликт был с администрацией.

— Из-за квартиры? — проверяя свою догадку, спросил Краснов.

— Да. Только ведь я никому не жаловался. Это ребята из бригады в газету написали, ну и завертелось. Приехал на завод корреспондент...

— А в чем конфликт?

Соломахин вздохнул. Можно было понять, что ворошить это дело ему не очень-то приятно.

— Понимаете, моя очередь на квартиру была, а дали Сушковой. Замдиректора на местком жал. Она в отделе кадров всего год проработала, а я тут с пятьдесят пятого... Не считая армии... А она ему оказалась племянницей, хотя фамилии разные.

— Значит, подействовал фельетон?

Соломахин как-то смутился.

— За мной квартира осталась. Только его-то зря освободили.

— Зама?

— Да.

— А может, не зря? — сказал Краснов.

— Может... Только мне неприятно... Получилось — из-за меня.

— А когда фельетон публиковали?

— Да сразу после октябрьского праздника.

— В «Вечерке»?

— Нет, в «Коммунисте».

Задерживать Соломахина разговорами больше не было нужды. Краснов повернулся, они зашагали обратно, к автобусной остановке.

— Спасибо, Николай Егорыч. Извините, что оторвал от дела.

— Какое дело! Сегодня ж суббота.

— Тем более.— Краснов подмигнул, уверенный, что Соломахин не сочтет это ни игрой в простачка, ни подлаживаньем. Как-то само собой получилось. Но добавил серьезным тоном: — Все это строго между нами.

— Ясно.

— Ни о чем не беспокойтесь. Что мне надо было от вас узнать, я узнал. И точка.

— Я и не беспокоюсь.

— Будьте здоровы.

У Соломахина руки были в масле, и он, сжав правую в кулак, протянул для пожатия запястье.

— Будьте здоровы, Игорь Иваныч.

И они расстались...

Имелась богатая возможность пошутить в собственный адрес. Так-то вот, товарищ Краснов. Аноним, которого вы ищете, тоже выписывает газету «Коммунист», но читает ее гораздо внимательнее, чем вы. Действительно, Краснов выписывал эту газету и не пропускал ни одного фельетона, но вот не запомнил же случая с Соломахиным. А память у него не из худших.

Но что дальше? Как искать анонима?

Азбучная вещь: нельзя оставить без внимания корешки подписных квитанций. Они в большинстве пишутся пером или шариковой ручкой, и если аноним подписывается на областную газету, то... чем черт не шутит.

Работенка оказалась нудной. Перебрать несколько тысяч квиточков, сличая их с открытками,— дело нешуточное. У Краснова после трех дней этой работы в глазах рябило так, что он целую неделю ни газет не мог читать, ни книжек перед сном. Но спину он гнул не напрасно: почерк на одной из квитанций чем-то был схож с почерком открыток. Краснов сделал с этой квитанции фотокопию и навел кое-какие справки о подписчике. Храмов Е. П. работал старшим преподавателем в технологическом институте, от роду пятьдесят восемь лет. Вроде бы странно человеку с такими данными выступать в роли анонима, да еще пасквилянта. Но все бывает... Краснов наметил разузнать в ближайшем будущем о Храмове поподробнее.

Он еще и еще раз перечитывал открытки и все пытался себе представить, что за человек этот аноним — какой у него характер, как выглядит, молод или стар.

На первый и последний пункты он отвечал самому себе категорически: по натуре это сквалыга и педант, и, конечно, не молод. Ну и что?

Как так «ну и что?». Если он педант, то непременно должен питать глубокое почтение к субординации и порядку. А значит, по логике можно предположить, что не сразу он рискнул воззвать к высшим инстанциям, не сразу обратился к Москве. Такой тип должен был сначала попытать себя, так сказать, на местном поприще. Может быть, какое-нибудь городское учреждение получало открытки, писанные тем же угловатым почерком, с явно искусственным наклоном влево? Получали и, брезгливо поморщившись, бросали в корзину. А может, у кого-нибудь сохранилась хоть одна открыточка? Найти бы, получить в руки — стало бы легче. А если аноним писал кому-нибудь персонально — это будет в сто раз лучше...

Краснов понимал, что в этих выкладках больше гадания, чем здравого смысла. Но все же доля здравого смысла есть. Надо по этой нитке пройти. Но как искать произведения анонима, предназначавшиеся им для местного употребления? Для этого у Краснова имелось подходящее средство.

Одним из важных инструментов в своей профилактической работе он считал лекции. За три минувших года он прочел их великое множество — на заводах, в институтах, у железнодорожников, в морском порту, в аэропорту, в школах. Ему нравилось готовиться к лекциям, составлять конспекты, обдумывать построение — нравилось, может быть, потому, что все это напоминало далекие теперь студенческие годы.

У него еще до того, как генерал поручил ему это расследование, было намечено прочесть несколько лекций в учреждениях в первой декаде сентября, он лишь немного колебался в направленности темы. Теперь тема определилась сама собой.

Потратив два дня, он написал доклад об идеологической борьбе, назвав его «Идеологическая диверсия». И подзаголовок: «Методы наших идейных противников». Так должно было стоять в исполненных от руки афишах.

Имея в виду тот факт, что аноним, безусловно, принадлежал к интеллигентной среде, Краснов наметил для своих лекций институты, научно-исследовательские и учебные, консерваторию, областное издательство. Созвонился с парткомами и партбюро, договорился о датах и попросил вывесить объявления заранее. Почти везде, куда он звонил, его уже знали по прежним выступлениям, никаких заминок не произошло...

...Когда человек упорно ищет что-то и наконец находит, трудно порой бывает определить, закономерность это или везение. Но не впервые говорится: удача ждет ищущего только на правильно избранном пути. Краснов нашел анонима быстрее, чем рассчитывал, и в этом была удача, основанная на закономерности.

Лекцию свою Краснов составил не без хитрости, но хитрость эта и вообще шла на пользу делу и работала на его узкую задачу. В лекции был маленький раздел, посвященный бездумным брюзгам, раздражающимся по любому поводу, и гораздо реже встречающимся злопыхателям. В разделе рекомендовалось различать два эти типа людей. И как бы между прочим — но к месту — тут же говорилось об анонимщиках, портящих хорошим людям кровь, вносящих иногда разлад в семью и даже в целые коллективы.

Удача ждала Краснова в технологическом институте — там, где работал Е. П. Храмов, чья подписная квитанция в виде фотокопии хранилась у Краснова в сейфе.

После лекции к Краснову у выхода из актового зала робко подошла немолодая женщина в темно-синем костюме. Было заметно, что ей стоило труда решиться на разговор.

— Простите, можно задержать вас на минутку? — спросила она.

Краснов видел, что ее надо приободрить.

— Конечно! Для того я и здесь.

Они отошли в дальний, тупиковый конец коридора.

— Слушаю вас,— сказал Краснов.

— Я преподаю... уже семнадцать лет... Моя фамилия Волкова... Антонина Сергеевна...— Она все еще смущалась.

— Да, Антонина Сергеевна, я вас слушаю.

— Понимаете, как-то неудобно говорить... Вроде жалобы... Но, знаете, очень уж наболело... Я об анонимках...

— Это всегда неприятно. Но считайте, что мы развиваем тему лекции.

Она сделала неудачную попытку улыбнуться.

— Понимаете, нас всех просто трясет.

— Кого всех?

— Ну, преподавательский состав.

— От анонимок?

— Да.

— И вы лично тоже получали?

— Я — нет, но мои товарищи...

— А нельзя ли взглянуть хоть на одну анонимку?

Волкова уже оправилась от смущения и говорила спокойнее.

— Моя подруга несколько раз получала. Вернее, ее муж. Но вы же понимаете: такие гадости в доме хранить никто не будет. Их рвут и выбрасывают.

— И другие получали?

— Да.

— И что же, читали, проглатывали и молчали?

— А что поделаешь? Жаловаться как-то неприлично.

— Хорошо бы хоть одно письмо найти.

— Я, собственно, об этом и хотела посоветоваться. Вы ведь сумели бы разыскать анонима?

— Во всяком случае, постараюсь.

— Значит, можно к вам обратиться?

— Ну, зачем же так торжественно — обратиться? Просто позвоните.

Волкова записала его рабочий телефон, однако звонить ей не пришлось.

На следующий день Краснову позвонил секретарь партбюро института Нагаев. Они были знакомы еще с тех пор, когда Краснов работал в угрозыске.

— Слушай, Игорь Иваныч, у нас к тебе дело есть,— сказал Нагаев.— Ты вчера про анонимщиков толковал. А сейчас, вот только-только, ко мне профессор один приходил, Терехов, принес анонимное письмо, им полученное. Пакостное письмо и далеко за рамки личных оскорблений уходит. Хочешь, прочту?

— Давно он получил?

— Да, говорит, еще в прошлом году. Прочесть?

— Не надо, я к вам заеду через полчасика, тогда и почитаю. А что, он сам принес?

— Я же тебе говорю: сослался на твою вчерашнюю лекцию. Говорит, может, надо как-то воздействовать на автора в воспитательном смысле. Но я вообще-то не для того звоню, чтобы эту пакость читать. Скажи, что нам с анонимщиком делать?

— А профессор знает автора?

— Да мы все его уж сто лет знаем. Я лично до сей минуты и подумать не мог, что он способен на такое.

— Работает у вас?

— Да, преподает.

— Ладно, Мих-Мих, сейчас буду.

Через полчаса Краснов сидел в комнате институтского партбюро.

— Вот, насладись.

Нагаев положил перед ним открытку, исписанную фиолетовыми чернилами. На открытках, лежавших у Краснова в сейфе, чернила были синие, но Краснов, увидев почерк, почувствовал, как мурашки побежали по затылку: знакомый почерк, знакомый! Он даже испугался, не выдает ли своего волнения. Но, кажется, Нагаев ничего не заметил.

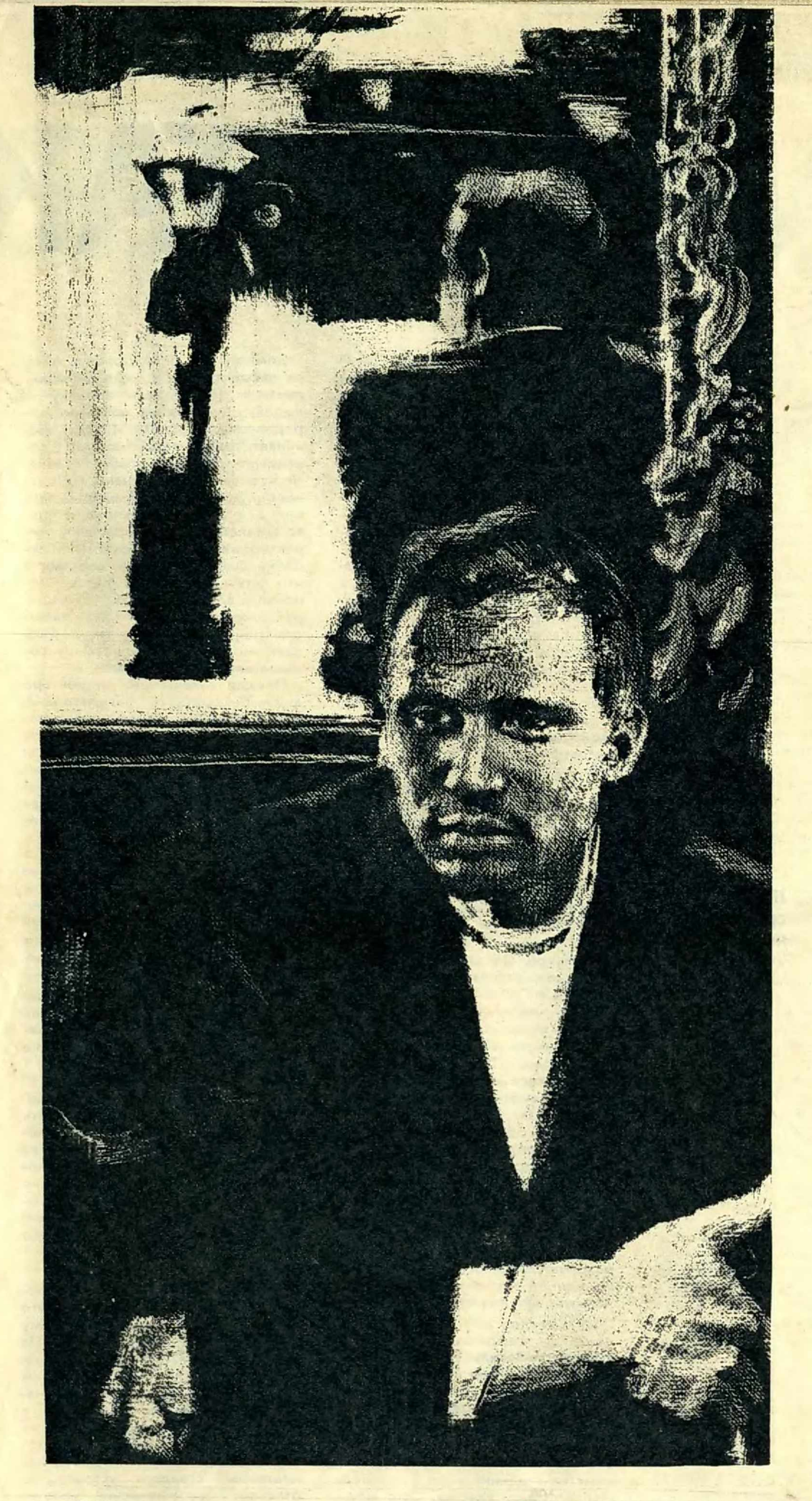
Открытка содержала в себе четырехстрочную эпиграмму, довольно едкую. Правда, было ясно, что автору чуждо какое-либо понятие о просодии: стих сильно хромал в первой и третьей строке, пиит был явно не в ладах и с размером и с рифмою и вряд ли когда-нибудь «возбуждал улыбку дам огнем нежданных эпиграмм». На оставшемся ниже четверостишия месте автор в энергичных выражениях оскорблял профессора Терехова, употреблял нехорошие слова, а напоследок отождествлял его с советской властью в целом.

— Кто это писал? — спросил Краснов, подавив первую вспышку радости.

— Храмов Евгений Петрович.

У Краснова опять побежали мурашки по затылку: «Храмов Е. П.— подписчик»,— вспомнил он запись в своей рабочей тетради. Но он опять постарался не выдать волнения.

— А можно поговорить с профессором Тереховым?

— Сейчас позовем.

Нагаев позвонил по телефону, и минут через пять в комнату вошел высокий полный человек с густыми седыми волосами, румяный. Через толстые стекла очков усмешливо смотрели серые глаза. Он был далеко не молод, но назвать его стариком у Краснова язык бы не повернулся.

Нагаев представил их друг другу. Сели. Краснов понимал, что всякие вводные разговоры — о погоде, о самочувствии — с профессором были бы излишни, и он прямо спросил:

— Кого вы подозреваете? Кто писал это письмо?

Профессор снял очки, но от этого не сделался беспомощным, как обычно принято ожидать.

— Простите, молодой человек, у меня нет никаких оснований подозревать.— Профессор сделал паузу, легкой улыбкой как бы приглашая собеседника оценить эту мимолетную шутку.— Я не подозреваю, я определенно знаю, хотя автор не затруднил себя собственной подписью. Это мой коллега, к сожалению. Евгений Петрович Храмов. Поверьте, я не питаю к нему ненависти, но, знаете ли, он странный человек. Уж не первый раз шлет мне такие милые послания. Получать их не очень-то приятно, не правда ли?

— Почему вы так уверены, что это именно он? — В Краснове заговорил следователь, которому нужны доказательства и полная ясность.

Профессор взглянул на него вроде бы даже соболезнующе.

— Видите ли, в этих... гм... стихах, непосвященному не совсем понятных, изложен довольно невразумительным эзоповым языком один из аспектов нашего с ним спора, чисто научного. Как показали факты, прав был я, а не он. Но Евгений Петрович, насколько я могу судить, крайне самолюбив и эгоцентричен. Он не любит признавать свои ошибки.— Профессор опять улыбнулся.— Впрочем, многие ли из нас с удовольствием признаются в собственных заблуждениях?

Краснов прочел стихи, пощелкал по открытке ногтем.

— Он очень ловко облек в стихотворную форму научный спор. Постороннему ничего не понять, не доказать.

Профессор словно прочел его мысли.

— Однажды, незадолго до того, как почтальон принес сей листок, коллега Храмов излил на меня в институте все эти сарказмы, только, разумеется, в прозе. Несолидно было бы в его возрасте изъясняться в разговоре стихами, но что он грешит версификацией, об этом в институте известно. Он наш Ювенал... Не правда ли, Михаил Михайлович?

— Грешит стишками, грешит,— подтвердил Нагаев.

— Что же это он так... так прозрачно? — скорее самому себе задал вопрос Краснов.— Опрометчиво для умного человека.

— Видите ли, насколько позволяет мне судить мой скромный опыт, когда кто-то считает себя умнее других людей, он, как правило, поступает опрометчиво. Уже тем самым, так сказать.— Профессор не упускал случая пошутить.

Краснов встал. Надев очки, встал и Терехов.

— Спасибо, профессор, за исчерпывающие объяснения.

— Не за что. Если эта открытка представляет какой-то интерес, я считаю, вам повезло, ибо я хотел ее порвать, как и прежние, но сразу этого не сделал. Потом она куда-то затерялась, а теперь вот нашлась.

— О нашем разговоре лучше будет никому не рассказывать.

— Я понимаю.

— Извините, что прошу об этом.

— Ничего, ничего. Это меня не обижает, не тревожьтесь.

Они пожали друг другу руки и раскланялись.

Он ушел, мягко притворив за собою дверь.

— Что скажешь? — спросил Нагаев.

— Открытку я возьму.— Краснов спрятал ее в свой портфель.

— А с Храмовым что делать?

— Ничего, решительно ничего,— с необычной поспешностью ответил Краснов.

— Ты чего это встрепенулся? — удивился Нагаев, и Краснов ругнул себя.

— Не надо его трогать,— уже спокойно сказал он.— Как будто никто ничего не знает. Я разберусь. Между прочим, он на лекции был?

— Нет, свой курс он начинает читать через неделю. В институте пока не появлялся.

— Ну, спасибо тебе, Мих-Мих.

— Повторю за профессором: не за что...

От Нагаева Краснов вернулся к себе. Время было обедать, но ему не терпелось получить заключение почерковедческой экспертизы. Эксперт управления был в отпуске. Взяв открытки, лежавшие в сейфе, Краснов отправился пешком домой к старику-графологу, который раньше проводил у них экспертизы, долго проработавшему в управлении. Сейчас он был на пенсии, но его часто приглашали в качестве консультанта.

Графолог продержал его целых два часа. Старик сначала сфотографировал открытки, проявил пленку, напечатал карточки — у него на дому оказалась целая фотолаборатория. Потом манипулировал какими-то трафаретами, глядя через огромную, диаметром чуть не в волейбольный мяч, лупу на бронзовой ручке, что-то чертил на разграфленных листах плотной бумаги. И, наконец, сделав несколько оговорок, заявил, что, по всей вероятности, все открытки написаны одним человеком. Но это требует дополнительного исследования. Так изрек он официальным тоном после своих

долгих священнодействий, а провожая Краснова до дверей, сказал уже по-свойски, домашним голосом:

— Одна рука писала, Игорь Иваныч, одна...

Краснов знал, что надо провести официальную экспертизу, но сейчас ему и этого было довольно.

Прямо от графолога Краснов, не заходя к себе, поднялся на третий этаж, к генералу.

— Разрешите, Анатолий Иванович?

Басков поднял голову от бумаг, посмотрел на Краснова и сказал без всякой вопросительной интонации:

— Нашел.

Краснов заулыбался, подходя к столу.

— Нашел-ся, Анатолий Иванович.

— Не скромничай, когда не надо. Садись.

Генерал слушал, не перебивая и не глядя на Краснова. Сложив руки ладонями перед лицом и уперевшись в стол локтями, он глядел, не мигая, на противоположную стену — такая была у него привычка слушать. Новичков это поначалу сбивало с толку, но в конце концов все постепенно убеждались, что такая манера удобна и для докладывающего и для слушающего. Для докладывающего исключаются, если так можно выразиться, зрительные помехи, а слушающий, не отвлекаясь мимикой говорящего, может лучше сосредоточиться.

— Хорошо,— сказал Басков, когда Краснов закончил словами: «Все, Анатолий Иванович».

— Через неделю Храмов должен вернуться из отпуска. А может, уже вернулся. Будем вызывать?

— Подождем,— не раздумывая, решил Басков.— Дадим шанс его совести. Может, сам придет. Но понаблюдать за ним надо.

— Есть, Анатолий Иванович.

— Ты недельку-то отдохни.— Басков чуть заметно окал, потому что родом был с верхней Волги. Но уехал он из родных мест, как знал Краснов, лет сорок назад. Его легкое оканье вызывало в воображении у Краснова тонкие обручи, но не круглые, а заметно смятые.

— Отдохнуть всегда не мешает,— сказал Краснов.

— Вот и давай. Море еще теплое.

Краснов уже взялся за медную ручку двери, но Басков остановил его вопросом:

— Как думаешь, он один?

— По-моему, одиночка.

— Иди.

Областное управление Комитета госбезопасности размещалось в старинном трехэтажном не то полудворце, не то в полуторном особняке — так определяли подобные здания в городе.

Краснов, идучи по светлому коридору, где с одной стороны были окна от пола до потолка, увидел в простенке зеркало, похожее формой на щит или на фамильный герб какой-то плутовской династии, которую, как у Сухово-Кобылина, крестил пиковый король. Но зеркало было хорошее. В четырех кругло срезанных его углах медово поблескивали медные шурупы с те царские, неподдельные, золотые десятирублевики, которые Краснов видел однажды в кабинете начальника ОБХСС, когда его, работника угрозыска, вызвали по делу скромного заведующего уличным овощным ларьком,— монеты лежали в коробке изпод печенья, почти доверху.

Честно говоря, Краснов, как все не старые еще люди, любил зеркала. А зеркало, перед которым он остановился,— это зеркало, несмотря на свой почтенный возраст, совсем не облупилось и было лучше любых новых. Он хотел посмотреть на себя потому, что генерал посоветовал ему отдохнуть.

Неужели ж ты, парень, так сдал за эти три месяца?

Нет, он себе все-таки понравился. Совсем исчезла кривая складка у рта, брови не сдвинуты...

Оставив зеркало, он поглядел в окно.

Начался дождь, крупный, с вишню. Девушка в голубенькой батистовой кофте, глянцево мелькая полными загорелыми икрами, перебегала через улицу, и дождь уже успел промочить батист на ее высокой груди. Батист быстро промокает и становится прозрачным, как будто и нет его. Краснов проводил девушку глазами, пока она не скрылась за углом.

Продолжение следует.

ЧТО ТАК

Л. ЛЕРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

С некоторых пор одна из букв немецкого алфавита, 17-я, стала предметом особого, пристального внимания деловых людей ГДР. Отчего же она так популярна, эта семнадцатая буква — Q? В ГДР вам любой ответит: «С нее начинается слово «квалитет» — «качество». И еще добавит: «Q — знак самого высокого качества». Ударение будет сделано на словах «самого высокого».

Я пишу «любой ответит», потому что слово «квалитет» в ГДР в последнее время не сходит с газетных страниц, по вечерам ярко светится в неоновых рекламах и на голубых экранах телевизоров. Если в крупнейшем берлинском универмаге «Центрум» или на Лейпцигской ярмарке продавец, руководитель фирмы расхваливают свой товар, то они считают, что достаточно произнести слово «квалитет», показать марку с буквой Q, и этим все будет сказано. Люди, оберегающие престиж этого доброго знака, весьма строги и стойки, когда порой им приходится выдерживать натиск иного не очень широко мыслящего хозяйственника. Впрочем, тут скорее срабатывает не столько строгость «стражей», сколько строгость системы, во многом поучительной. Об этом я узнал еще в Москве, встретившись в канун отъезда в ГДР с первым заместителем председателя Государственного комитета стандартов Совета Министров СССР Всеволодом Васильевичем Ткаченко. Он высоко отозвался об опыте немецких друзей, заметив при этом:

— Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов обстоятельства, облегчающие коллегам применение их системы управления качеством: я имею в виду территорию и масштабы хозяйства. И тем не менее их опыт используется у нас, заслуживает дальнейшего исследования. Особенно сейчас, когда мы разрабатываем основные принципы единой системы государственного управления качеством.

...Я передал доктору Отто Линденхайну сердечный привет от Всеволода Васильевича, и мой собеседник, тепло улыбнувшись, сказал, что скоро они лично встретятся в Карл-Маркс-штадте на заседании комиссии СЭВ.

Отто Линденхайн — вице-президент хорошо известного в ГДР ведомства, подчиненного непосредственно правительству. Это мощная организация, объединившая метрологию и стандартизацию, сокращенно именуемая АСМВ.

— Среди первых акций молодой Германской Демократической Республики, — рассказывает Отто Линденхайн,— было решение создать ведомство, наделенное правом от имени государства контролировать добротность выпускаемой продукции.

Конечно, за качество, скажем, рубашки отвечает швейная фабрика. Но первый образец новой модели предъявляется именно этому ведомству. А оно, ориентируясь на самые лучшие в мире рубашки, дает новой модели путевку в жизнь, оценивая ее качество определенным знаком. И здесь начинает срабатывать система. Сделано все для того, чтобы «судьи», те, кто присуждает знаки добротности, были независимы от влияния лиц заинтересованных, будь то министр или генеральный директор влиятельной фирмы. Глубокий анализ, что есть хорошо, а что есть плохо, проводится, конечно, с участием тех, кто шил рубашку. Но среди тех, кто выносит решение — какой присудить знак,— они имеют голос лишь совещательный. Не более!

Предел мечтаний директора фирмы — получить заветное Q. Это наивысшая оценка — сработано на уровне мирового стандарта. Получить сей знак в ГДР трудно: очень много высоких требований по самому большому счету мирового рынка. Да и дают этот знак на небольшой срок. А потом снова аттестация, горячие споры с участием крупнейших ученых, специалистов, плюс звучащий весьма весомо голос научно-технической общественности.

Не дотянул до Q — получай знак 1. Это уже ступенькой ниже, но в пределах того, что во всем мире оценивается «хорошо».

— Сначала,— вспоминает доктор Линденхайн,— у нас было три знака: Q, 1 и 2. Потом решили: если качество изделия ниже среднего, если ему даже знак 1 не дашь, то зачем отмечать его? И от «второй» категории отказались. Фабрика может продолжать выпускать, скажем, обувь, не имеющую никакого знака, но нелегкая жизнь ждет директора этой фабрики. Не сегодня-завтра, если не будут приняты меры, наше ведомство скажет: «Остановите конвейер, вы поставляете обувь, которую никто не покупает».

— Было такое?

— Да. И именно в обувной промышленности. Мы понимали: это суровая мера. Тяжко не одному директору — всему коллективу. Но что делать? Такова наша работа. Государство не позволяет нам быть либералами. До того, как наше управление объединилось с ведомством стандартов, мы и их контролировали. Случалось, что приходилось отменять уже установленный стандарт: устарел, не отвечает современному уровню техники, плетется в хвосте мировых образцов.

— И что же, вы останавливали производство?

— Не сразу. Давали срок, скажем, полгода: «Переходите на более жесткий стандарт». Кто не смог, пусть пеняет на себя и получает предписание: прекратить выпуск изделий по устаревшему стандарту. Бывало и так, что административной мере предшествовал трудный для директора разговор в кабинете секретаря райкома партии. И это иногда оказывалось

ОЕ «КВАЛИТЕТ»

результативнее «предписания». Вы, вероятно, догадываетесь, что были и такие директора, которые после этого переставали раскланиваться с тобой. Но это уже из области проблем нравственных... Теперь мы сами занимаемся разработкой стандартов и сами пересматриваем их, ужесточаем в соответствии с «погодой» на мировом рынке. Правительством установлена номенклатура изделий, серийное производство которых нельзя даже начать без того, чтобы не предъявить нам первый образец. В этой номенклатуре шестьдесят процентов всей продукции ГДР.

— Вы говорили о санкциях. И назвали одну из них — остановить конвейер. Есть и другие?

— Да, конечно.— И мой собеседник вновь тяжело вздыхает.

— Деликатная это сфера — санкции. И нелегко пускать их в ход. Мы имеем право, не прибегая к суду, оштрафовать директора на достаточно солидную сумму. И он выложит ее из своего кармана — рычаг, который всегда действует эффективно. Мы можем по договоренности с министерством повлиять на размер премий, получаемых заводом.

— Ну, а директор тоже имеет право на санкции?

— Имеет. За плохое качество он может, согласовав свое решение с общественными организациями, временно уменьшить основную зарплату инженерно-технических работников, виновных в том, что, скажем, с конвейера пошли моторы с дефектами. Но это уже мера исключительная. Чаще директор идет по пути уменьшения премий, их размер у нас во многом зависит от качества выпускаемой продукции. И тут я хотел бы перейти к разговору о более приятных вещах — о поощрении. Получить на изделие знак Q — значит получить много благ. Добился доброго знака — получай право тут же повысить оптовую цену. На разные изделия — разные надбавки. Отсюда пополняются различные фонды предприятия, в том числе фонд премирования. И инженеров и рабочих. А это тоже рычаги.

— Как быстро они срабатывают?

Я задал этот вопрос не случайно. Вспомнилась беседа с В. В. Ткаченко. Он говорил о некоторой замедленности действия наших мер поощрения. После того как изделию присужден Знак качества, иногда начинаются долгие подсчеты, согласования. И порою бывает, что предприятия не получают этой надбавки. «Здесь еще есть вопросы, над которыми надо работать,— сказал мне тогда Всеволод Васильевич. И добавил:— К тому же такое поощрение, как надбавка на оптовую цену, пока действует только на предприятиях группы «А».

...И вот я жду, что ответит Отто Линденхайн на мой вопрос о рычагах. Он ответил:

— Рычаги у нас срабатывают точно и быстро.

* * *

И еще об одном эксперименте немецких друзей рассказал Отто Линденхайн.

В свое время среди хозяйственников, экономистов-практиков и ученых, инженеров, мастеров ГДР шел спор: должен ли начальник отдела технического контроля (ОТК) предприятия подчиняться директору или быть независимым от него? В ходе спора определились минусы обоих вариантов. «Пусть он будет государственным контролером, и приказ директора для него не приказ»,— рассуждали одни. Хорошо. Но тогда у него будет только одна забота — качество. А план? ОТК скажет: «Об этом пусть думает директор». Но разве не ясно, что качество немыслимо без количества? «Ясно,— парируют противники.— Теперь представьте начальника ОТК работником завода. Он получает тревожный сигнал из цеха: радиоприемники идут с отступлением от стандарта. Страж качества говорит директору: «Я не могу принять такую продукцию». Иной директор реагирует так: «Пойми — срывается план! Придется принимать. А иначе...» Что будет «иначе», начальнику ОТК не надо объяснять. Ему тоже не хочется лишаться премии».

Какой же был найден выход?

— Сейчас,— рассказывал Линденхайн,— в ГДР есть примерно тысяча предприятий, где ОТК возглавляют наши работники. Они не подчинены директору. Но, как правило, находят общий язык. Ну, а если руководитель предприятия не видит, что узко понятые им интересы завода, а иногда и попросту его личные, противоречат интересам общества, тогда спор переносится в АСМВ, а бывает, что и выше... И потом есть еще райком партии, окружком, ЦК...

Но по-государственному мыслящий руководитель предприятия теперь сам ратует за новую организацию ОТК.

Я имел возможность убедиться в этом, побывав на большом обувном комбинате в Эрфурте. Здесь выпускают пять миллионов пар обуви в год. Десять процентов из них имеют знак Q, а остальные — 1.

— Во многом это ее заслуга.— Заместитель директора комбината Юлиус Тайгел кивнул в сторону сидевшей рядом с нами Элли Дорфман.

Она сотрудница АСМВ, и здесь, на комбинате, ей подчиняется вся служба контроля за добротностью обуви.

— Вначале у нас было много споров,— продолжает Тайгел.— И очень жарких. Шутка ли, товарищ Дорфман требует остановить конвейер, а у нас план горит. И нам казалось, что Элли Дорфман могла бы тут немного уступить.

Элли слушает с непроницаемым лицом, будто не о ней речь идет. Потом улыбается и в той же тональности, что и Тайгел, подхватывает его монолог:

— А Элли Дорфман не захотела уступить. Она требовала устранить серьезный дефект в подошве. Элли Дорфман сообщила об этом в АСМВ, и директор вынужден был пойти на некоторые дополнительные расходы, чтобы срочно устранить дефект. А потом, когда этой модели туфель присудили знак Q и надбавка к оптовой цене оказалась значительно большей, чем дополнительные расходы, директор благодарил Элли Дорфман и сказал, что, хотя у нее тяжелый характер, она молодец...

— А она действительно молодец. Это был очень трудный процесс,— снова включается в разговор Юлиус Тайгел.— Надо было преодолеть психологический барьер. С помощью общественных организаций, партийного комитета мы добились своего. Люди поняли, что «товарищ АСМВ» и мы делаем общее дело. Без хорошего качества теперь не будет плана. И лучшие наши работницы взяли на себя обязательства, в которых на первом месте качество. Между прочим, в ход пошла ваша саратовская система бездефектной сдачи продукции.

Тайгел рассказал, как с помощью «товарища АСМВ» устанавливается межотраслевой контроль за качеством — тут и кожа, и подошва, и фурнитура. А на обувной фабрике контроль этот начинается еще в стадии разработки конструкции, когда туфли только «замышляются». Об этой особенности системы управления качеством в ГДР говорил мне и Отто Линденхайн:

— Контроль надо начинать с чертежа. Уже на этой стадии можно подать обнадеживающий голос: «Если доведете на таком же уровне до металла, имеете шанс получить Q». Очень хорошо действует. Между прочим, именно так делали эрфуртские прессы, которые пошли на ваш КамАЗ. Мы им дали знак Q.

* * *

Система управления качеством. АСМВ в этой системе — пост № 1. Но рядом и институты — моды, промышленной эстетики. Они тоже наделены правами государственных контролеров. И, скажем, электросветильник не получит знака Q без одобрения Государственного ведомства промышленной эстетики, а новая модель костюма — без согласия Института мод. Заместитель директора этого большого и очень популярного в ГДР учреждения с гордостью рассказывал мне: «Еще недавно промышленность рассматривала наши предложения лишь как рекомендации: можно принять, а можно и отказаться, сославшись на технологические сложности. Теперь все по-другому. Это уже не рекомендации, это — веление государства».

Не могу не отметить еще один пост — арбитраж. Я познакомился с председателем берлинского арбитража доктором Кельмом. Свел меня с этим интересным человеком, неутомимым бойцом за качество, коллега — корреспондент «Берлинер цайтунг» доктор Герстнер. Они действуют сообща в битве со всем, что мешает хорошему качеству товаров, службы быта, питания... Герстнер ежемесячно получает сотни писем (он и на телевидении ведет соответствующую программу). Судьба одного письма показалась мне весьма поучительной. Женщина купила пальто из синтетического материала. Этикетка гласила: не сдавать в химчистку, не стирать. Покупательница не прочла, а продавщица забыла предупредить. В химчистку пальто не приняли — сослались на этикетку. Тогда женщина сказала: «Почистите, никаких претензий к вам не будет. Рискну!» После чистки пальто уменьшилось вдвое. Что делать? Обратилась к Герстнеру. Он связался с доктором Кельмом. И юрист доказал: покупательница должна получить деньги за испорченное пальто от дирекции магазина, а магазин — от фабрики. Но на этом Кельм не успокоился. От имени берлинского арбитража он поставил вопрос перед министерством торговли, а затем и перед промышленностью: запретить шить готовое платье, которое нельзя сдавать в химчистку или стирать дома. И запрет этот действует.

Он довольно широк, круг житейских коллизий, в которые вмешивается берлинский арбитраж. Доктор Кельм рассказывал мне, что арбитраж совместно с заказчиком обследует новостройки перед сдачей дома новоселам. Иногда проверяются и здания, в которых еще не закончены все работы. И если выясняется, что дела идут не лучшим образом, следует строгое предупреждение строителям: «Рискуете уплатить штраф...» Бывает, что после сдачи дома в эксплуатацию обнаруживаются недоделки. Новоселы знают: арбитраж сумеет заставить нерадивых строителей без проволочек все исправить и возместить ущерб. Иначе — санкции. И тут Кельм сказал слова, которые я уже однажды слышал, беседуя с Отто Линденхайном: «Рычаг этот срабатывает точно и быстро». Но вот на обувном комбинате в Эрфурте Юлиус Тайгел, рассказывая об этих самых рычагах, счел необходимым уточнить:

— Но вы должны знать, что у каждого рычага есть точка опоры. И у тех, которые помогают повышать качество, есть такая точка — рабочая честь, совестливость рабочего человека, который стал хозяином всех богатств республики, человека, интересы которого неразрывно связаны с интересами государства.

Берлин — Москва.

ПОРТРЕТ ИВАНА ГРОЗНОГО

Личность царя Ивана Грозного сыграла огромную роль в русской истории XVI века. Каким же был этот человек? В интересной книге «Иван Грозный», недавно вышедшей в издательстве «Наука», Р. Г. Скрынников пишет: «Многочисленные литературные сочинения царя служат, пожалуй, самым надежным материалом для суждения о его личности. В своих писаниях Грозный предстает человеком, от природы одаренным острым умом. Его достоинства — политический темперамент, талант публициста, образованность — были весьма необычны для людей его положения. Но причудливое сплетение противоположных свойств в натуре царя Ивана поражало уже его современников. Они не скрывали удивления, описывая безрассудную мнительность и «мудроумие» Ивана IV, его невероятную жестокость и заботу о воинстве, его гордыню и смирение».

Но если до нашего времени дошло несколько литературных произведений Грозного, то его изображения крайне редки. Единственный прижизненный портрет царя Ивана, созданный неизвестным московским художником, был вывезен в Данию и находится в Копенгагене. Но этот портрет — так называемая «парсуна», то есть написан он в условной, почти иконописной манере.

Более поздние изображения часто недостоверны — «обличительные портреты... в немецких летучих листах, показывающих хитрого, жестокого азиата в косматой шапке», или схематичны — в титулярнике XVII века.

В моем собрании находится неизвестный ранее портрет Ивана Грозного, написанный в конце XVII — начале XVIII века в спокойной, реалистической манере, рукой достаточно умелой и талантливой. Видимо, оригиналом для этого портрета служили более ранние, не дошедшие до нас изображения царя Ивана. Особенно выразительно написаны художником глаза — умные и в то же время настороженные, с какой-то внутренней болью. Портрет, который впервые публикуется на страницах «Огонька»,— одна из тех исторических реалий, которые помогают нам лучше узнать далекое прошлое нашей страны.

Зинаида **МИЛЮТИНА**

А. С. Пушкин. Портрет Алексея Вульфа (в центре листа). 1828 год.

ЭТИ МИЛЫЕ КРАЯ

Как ни богато, как ни многотомно пушкиноведение, сколько бы ни читали мы книг, в которых так или иначе затронуты жизнь и творчество Пушкина, любовь наша к нему так велика, что мы испытываем острый интерес ко всякому новому изданию о великом русском поэте в надежде еще немного приблизиться к образу гения. Увы, уже редко теперь удается узнать нечто существенно новое, важное, да еще определенное, но и предположения, догадки, гипотезы волнуют, дают пищу уму, позволяют читателю согласиться или поспорить на такую интересную тему, как жизнь поэта, определившего на многие-многие годы пути развития русской литературы.

Богатый материал для размышлений предоставляет небольшая книжка Ларисы Керцелли «Тверской край в рисунках Пушкина». В ней рассказывается о тверском периоде жизни поэта, о людях, с которыми был он связан различными узами, о местах, которые запали в его душу, и память о которых сохранилась в его рисунках.

Конечно, не только в рисунках. Стихи и письма Пушкина, воспоминания его тверских знакомых многое рассказали нам о тех далеких временах, когда из шумных столиц приезжал Пушкин в тихую Тверь и окрестные имения, к друзьям, среди которых обретал «необходимое ему для творчества душевное состояние, которое по традиции почему-то всегда называют покоем, но которое, по существу, есть не столько покой, сколько беспрепятственное, если можно сказать так, внутреннее сосредоточение всех духовных и творческих сил, позволяющее поэту давать жизнь нарождающейся в нем поэзии. И тверские деревни с их «простою жизнью» давали Пушкину такой покой, помогали ему отойти, освободиться от подавлявшей его в столице обстановки, одинаково для него и опасной, и чуждой, и угнетающей его душу».

Л. Керцелли своеобразно строит свою книгу. Отталкиваясь от рисунков Пушкина, создает она тонкие, интересные этюды, в которых пытается часто по-новому взглянуть на тверских знакомых поэта.

Пушкиноведческая традиция создала, например, вполне устоявшийся, стереотипный образ Алексея Николаевича Вульфа, называемого обычно «тверским приятелем» Пушкина. Л. Керцелли обращает внимание, что два давно известных, определенных еще А. М. Эфросом пушкинских портрета Вульфа, 1824 и 1835 годов, созданы, когда Пушкин не бывал в тверских краях, и лишь не так давно обнаруженный портрет 1828 года относится к «тверскому периоду». Значит, утверждает исследователь, Пушкин испытывал устойчивый интерес к Алексею Вульфу: «его облик, его рассказы, подробности его биографии, даже имя его «Алексей» получили самое непосредственное отражение в пушкинском творчестве».

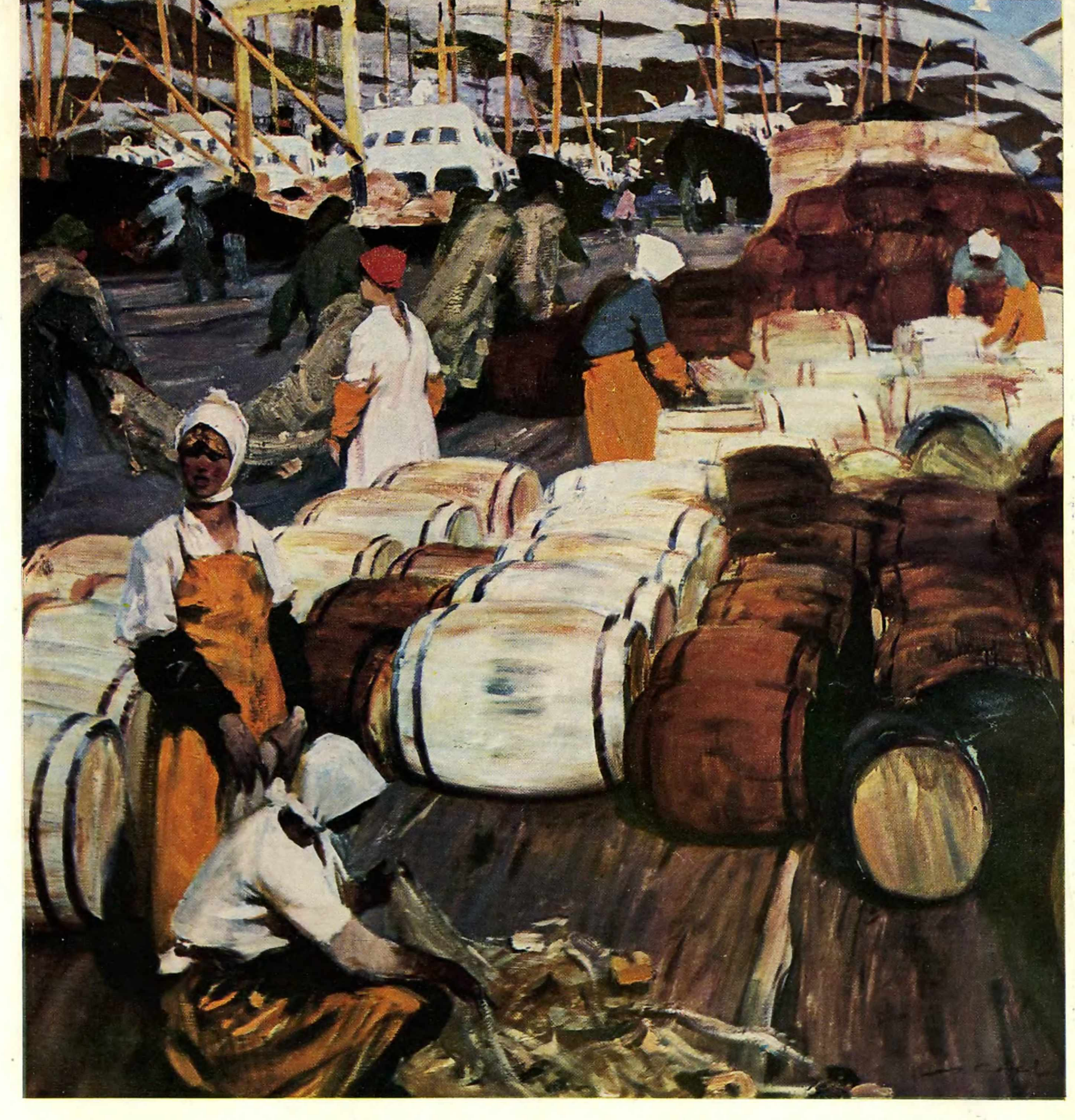
Стремясь нарисовать подлинный, по ее мнению, образ А. Вульфа, Л. Керцелли вновь обращается к его давно известным дневникам. Прочтенные без предубеждения, эти, конечно, не предназначавшиеся для печати записки рисуют нам их автора фигурой значительной, высказывавшей на страницах дневников немало «интереснейших и передовых для своего времени суждений исторического, политического, литературного и даже этического и житейского характера; многие из его наблюдений отличаются точностью, нешаблонностью видения и восприятия и известной психологичностью». В общем-то фигура Алексея Вульфа, как человека незаурядного, и в прошлом сомнению не подвергалась, но действительно при чтении его дневников и писем всегда выделялся один аспект, что он-де ловелас, легко изменявший своим возлюбленным, человек, всецело поглощенный «ухаживаниями». Л. Керцелли полемизирует с такой трактовкой. «Доверимся Пушкину,— пишет она,— его дару распознавать людей и, вглядевшись внимательнее в исполненные уверенной рукою рисовальщика Пушкина профили Алексея Вульфа... усомнимся, что в пору своей михайловской ссылки Пушкин «непритязательно приятельствовал с Алексеем Вульфом».

Запоминается в книге очерк «Тверской пейзаж в графике Пушкина». Автор рассказывает, как непросто иконографическое отождествление рисунка полуторавековой давности с современным пейзажем. И тем не менее внимательный взгляд может увидеть в сегодняшнем ландшафте черты, некогда запечатленные Пушкиным. Много сделал для этого художник Юрий Леонидович Керцелли, один из создателей пушкинских музеев в Верхневолжье, памяти которого посвящена книга. Так, например, Ю. Л. Керцелли весьма основательно предположил, что рисунок Пушкина, изображающий арочный мост, имеет точный адрес — это построенный архитектором Н. А. Львовым мост через реку Жаленку в Грузинах. Среди немногих расшифрованных пейзажных пушкинских рисунков появился еще один.

Книга Ларисы Керцелли, повествующая о великом русском поэте, написанная легко и точно, прекрасно оформленная рисунками Пушкина, репродукциями старых портретов и фотографий, а также современными тверскими пейзажами,— одна из самых интересных работ, появившихся в последние годы в отечественном пушкиноведении.

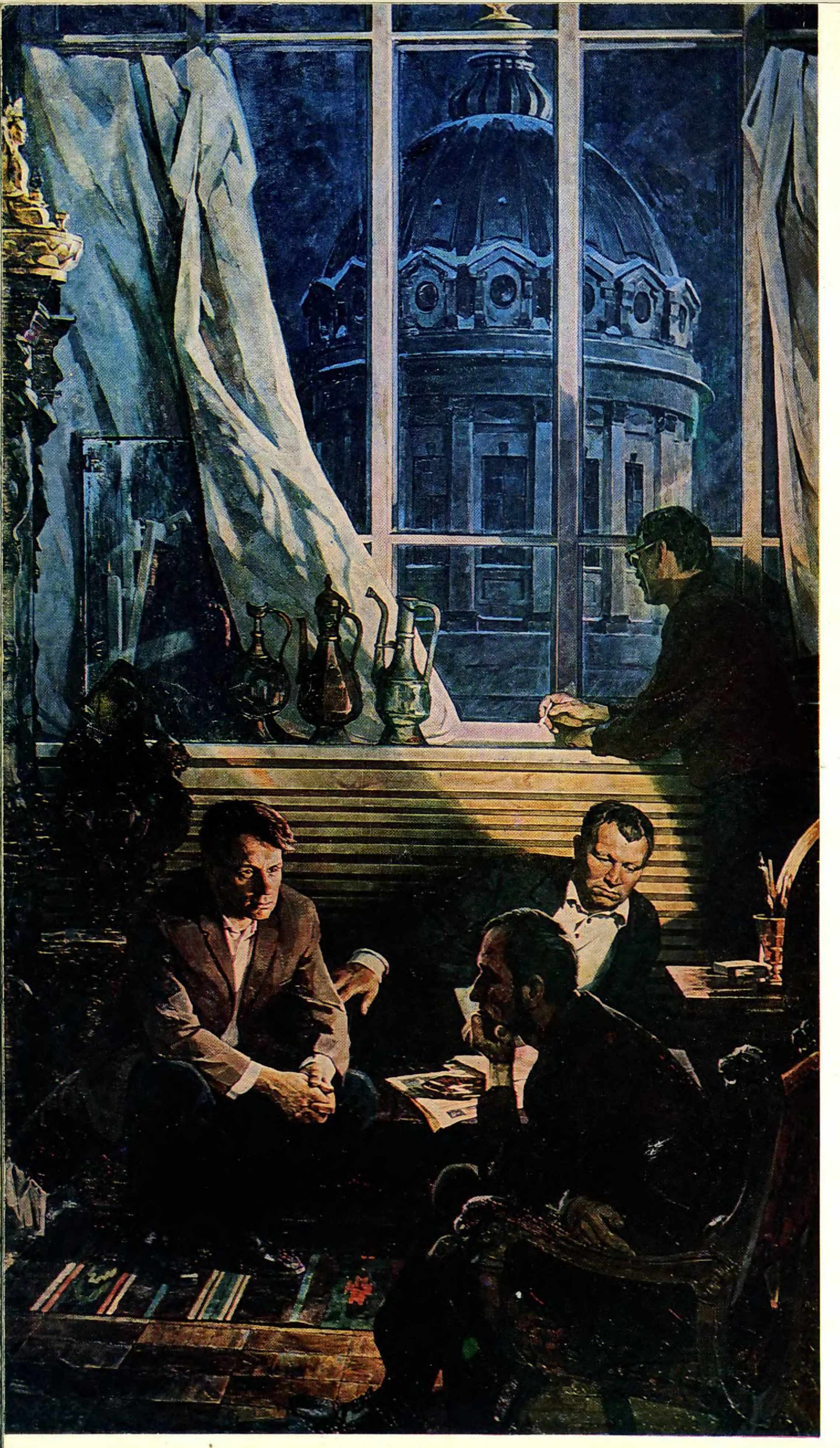
В. ЕНИШЕРЛОВ

Лариса Керцелли. Тверской край в рисунках Пушкина. М., «Московский рабочий», 1976, 208 стр.

А. Соколов. 1918—1973. ВЕСЕННЯЯ ПУТИНА. 1970.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

Л. Кабачек. Род. 1924.
ДУМЫ. 1970.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

Николай СИЗОВ

РАССКАЗ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

«ЯШКА МАРКИЗ» ИЗ ЧИКАГО

Прохоренко встал из-за стола. Мы встали тоже и, наскоро попрощавшись со своим незадачливым гидом, ушли в номер. Там у нас развернулись бурные прения. Мы дружно обвиняли Прохоренко в горячности, необдуманности, даже грубости. Так оскорбить человека, заподозрить черт знает в чем! Пусть он перебежчик, когда-то оставил Родину, но чтобы приписать ему такое, надо все же иметь основания.

Прохоренко, однако, был непреклонен.

— Прежде всего он не кто иной, как Клячковский, я убежден в этом так же, как в том, что вижу вас. Помню, отлично помню фото с его физиономией. Да нет, я абсолютно уверен, что это «Маркиз». Вот только не пойму, как он здесь оказался?

— Пригревают его, по-моему, не очень-то тепло,— заметил Ратников.

— Вот именно. И это тоже загадка. Сюда он подался наверняка не с пустым карманом. Почему же такой пассаж? Далеко не последний воротила в фирме Крюкова, ссужавший средствами ее в тысячных исчислениях, скупщик-перекупщик и вдруг... уборщик чикагских улиц?

Загадок в самом деле было много, и, может быть, они так и остались бы загадками, если бы Черновец не появился вновь. Мы уже укладывались спать, когда он постучал в номер.

— Прошу извинить. Я не очень надоел? Хочется все-таки закончить наш разговор. Не возражаете?

Мы не возражали, но и не жаждали продолжать это знакомство, хотя истину все-таки хотелось узнать. Войдя в номер, Черновец молча расставил на столе банки с кока-колой и проговорил:

— Прошу угощаться. Холодная.

Молча мы открыли по банке, молча пососали сладковатую жидкость. Прохоренко спросил:

— Что-нибудь новое сообщить хотите?

Черновец помедлил, отпил два глотка из банки и ответил вопросом на вопрос:

— А можно у вас узнать, откуда вам так хорошо известна крюковская история?

— Могу удовлетворить ваше любопытство. Я писал отчеты о процессе. И, естественно, досконально знаю все перипетии дела. Знаете, профессиональная память журналиста.

— Ясно, спасибо. А я думал, может, вы...

— С Петровки? Нет, нет. Успокойтесь. И потом, я же объяснил, что вам, в сущности, бояться уже нечего.

— Если бы так, если бы так!

Прохоренко встал с кресла, подошел к Черновцу.

— Я не следователь и не прокурор, к этим делам имею отношение лишь по роду своей журналистской профессии. Но разбираюсь в них неплохо. Вы приняли за чистую монету то, что сообщала о процессе Крюкова иностранная пресса. Но факт остается фактом: все ваши сподвижники, кроме Крюкова и Серого, уже на свободе. Это так же точно, как то, что мы сидим с вами в отеле на Мичиган-авеню. Так что бежали вы, Яков Семенович, в сущности, зря...

— Что, и Лысюк тоже на свободе? И Абрамович, Дьяконов? Но ведь они были фигурами...

— Мозговой центр фирмы. Это известно. Но справедливости ради скажем так: «Маркиз» тоже не из рядовых. Правда, если учесть, что в некоторых эпизодах, судя по процессу, он бывал и в числе потерпевших... Ну хотя бы эпизод с покупкой золота у одного офицера из соседней восточной страны.

— Как не помнить! На четыреста тысяч нагрел меня тогда Крюков с друзьями. Вместо золота свинец подложили.

Наступила пауза. Затем Ратников еще раз констатировал уже очевидное:

— Выходит, Яков Семенович, что «Маркиз» — это все-таки вы?

Черновец вздохнул.

— Выходит, что так. Раз попал впросак, крутить ни к чему. Говорил себе не раз: не лезь, дурак, на аэродром да на вокзал. Нет, не удержался. И вот результат.

— Нас вам нечего опасаться. В СССР мы вас не возьмем, если бы вы того и захотели.

Как мы ни были утомлены перелетом, впечатлениями дня, всей этой кутерьмой, рассказ «Маркиза» о его «жизненном вираже», как он сам выразился, мы слушали с интересом.

— Когда я узнал, что арестован Серый, а потом и сам Крюков, я решил: Яков Семенович, баста, хватит, пора убирать ноги.

К каким уловкам прибегать пришлось, не опишешь, не расскажешь. Не одного года жизни мне все это стоило. Как вспомню — и сейчас оторопь берет. Знай бы я раньше, как будет трудно с выездом, никогда бы не решился на этот шаг. Через месяц с чем-то после многих и многих мытарств, как самый последний беспризорник, высадился я на берег Соединенных Штатов. Ну, думаю, все, Яков Семенович, кончились твои муки, начинай теперь новую жизнь. Хотя почти без языка ты, в лохмотьях, и вид у тебя — хуже любого люмпена, но есть среди твоей хламиды коечто стоящее. Как удалось сохранить эти ценности, говорить не буду: совестно. Но сохранил. Ни таможенная служба, ни портовая полиция, ни всякие иные полицейские чины не смогли раскрыть моих ухищрений. Уж какой там народ дошлый да опытный, а не смогли. И вот наконец у меня хотя и временный, но вид на жительство. И работешку кое-какую отыскал: ведь когда-то я техником-строителем был. Взяли меня в одну фирму, что строила пакгаузы. Сторожем при складах устроился. Все ладно. Но в мыслях я постоянно о главной своей цели был: надо камешки в дело пускать, что припрятаны. Привез-то я их всего три штуки, но они доброго десятка стоили. Уж я-то в них толк знаю. Исподволь, осторожно стал нащупывать пути-дорожки, как их в реальные денежные знаки превратить. Дело, сами понимаете, непростое, не пойдешь в любой магазин и не скажешь: купите у меня бриллианты. А мои камушки были еще почище иных бриллиантов — два сапфира да изумруд. Да какие! Редчайшие камни. Купил я их когда-то у одного богатого туриста с Востока за баснословные деньги. И каким бы специалистам и в Москве и в Одессе ни показывал — слышал и видел лишь восторг и удивление. Постепенно нащупались эти самые пути, чтобы, значит, камушки сбыть. Познакомился я с диспетчером площадки, где работал, неким Джоном. Рыжий, разбитной такой верзила, моряк в прошлом, в Мурманск в войну ходил. Даже несколько слов помнил по-нашему: «рус», «вотка», «корош». Долго приглядывался я к нему. Наконец решился. Объяснил, в чем моя нужда. Обещал он мне все устроить. И действительно, вскоре повез меня на одну из центральных улиц Чикаго в фирменный ювелирный магазин. Зашли мы, осмотрелись. Магазин вполне достойный, шикарный даже. Хозяин и помощник в белых халатах с нарукавниками. В витринах драгоценности мерцают. Познакомились, условились о новой встрече. Она состоялась через день. Показал я камушки. Хозяин головой качает: редкий, мол, товар, деньги большие стоит. Цену назвал настолько подходящую, что я и спорить не стал. Безбедно, думаю, проживу до конца дней своих. Потом он говорит: «Надо вызвать экспертов из фирмы и из банка, таков у нас, говорит, порядок. Формальность, в сущности, но ничего не сделаешь, правила есть правила»,— извинительно говорит хозяин. А пока вот виски, вот содовая. Посидели мы так с полчаса. Приехали на огромном «бюике» два солидных господина. Начали в лупы рассматривать камни. Долго вертели их так и этак. А потом один говорит:

— Подделка, отличная, совершенная, но подделка.

Второй ему поддакивает:

— Безусловно, подделка. Голландская работа.

Вы понимаете мое состояние? Будто обухом по голове ударили. Вскочил я, говорю им:

— Вы что, господа, белены объелись? Лучшие московские ювелиры проверяли эти камни. С Востока они, с Востока. Я вам гарантии даю, что они подлинно драгоценные. Какая тут подделка? Чепуху вы, извините, городите.

Эксперты, однако, ни в какую. Подделка — и все. Шуметь начинаю, доказывать. Не помогает. Суют мне в руки мои камушки и настойчиво подталкивают к двери. Джон сначала тоже на меня набросился, материть стал, дескать, зачем его впутал во всю эту историю. Потом пообещал: завтра, мол, в другую фирму подадимся, их в Чикаго много.

Окончание. См. «Огонек» № 1.

Пришел я в закуток в портовой общаге сам не свой. Сижу, не знаю, что и подумать. Не спал всю ночь. А утром при дневном свете стал рассматривать свое богатство. И тут уж, знаете, совсем мои ноги подкосились. И как я это раньше не заметил. Камни-то не мои. Свои-то я знал досконально. И изумруд, и сапфиры сочности цвета и чистоты необыкновенной, будто в морские глубины или в небеса смотришь. А эти яркие, чистые, как вода, чистые, да не живые, сделаны искусно, но с настоящими изумрудами или сапфирами и рядом не лежали. Ринулся я к Джону — по соседству жили — отсутствует. Помчался на эту самую Третью авеню — никакого ювелирного магазина там и в помине нет. Дом-то нашел, в точности он, но бакалейная лавка там всего-навсего, и хозяин другой. Опять к Джону мчусь. Нету. В офис пакгаузов подался. И что же оказывается? Уволился Джон! Да! Вы понимаете? Сегодня уволился. Ну, думаю, хана тебе, Черновец, влип ты, как муха в кисель. Понял окончательно, что провели меня, что называется, по всем правилам шулерского искусства. Бросился в полицию. А там только того и ждали. Вопрос за вопросом. Кто ты, Черновец? Откуда камни? Где взял? Показал я им то, что мне жулики всучили. Вопросов еще больше. Искали они в это время какую-то шайку, торговавшую фальшивыми драгоценностями, и подумали, что зацепили одного из ее участников. Поехали на Третью авеню. Вы говорите, что здесь заходили в ювелирный магазин? Но такого здесь никогда не было. Ты, парень, того, ври да не завирайся, а то тебя мы от этого недуга живо вылечим. Задержали меня, два месяца все пытались выяснить, кто мои соучастники и где они. Наконец выпустили. Вышел из тюряги без денег и без камушков. Даже фальшивые, что мне жулики всучили, и те отобрали. Работу потерял, жилье тоже. Что делать? Стал мотаться по Америке. С запада на восток. С востока на запад. Все хотел встретить своего бывшего сослуживца Джона. Все познал — и голод, и холод, и каталажки. И это в мои-то годы. Одним словом, не приведи господи. Ну, а потом опять сюда вернулся, в Чикаго. Кое-как устроился компаньоном к одному старику. Он всю жизнь в этом квартале... Ночью улицы убираю, а днем на аэродром или вокзал езжу... Издали на вас, соотечественников, посмотрю, да говор родной послушаю, и как-то легче становится.

Тусклое чикагское солнце пробилось наконец сквозь свинец неба и робко заглянуло к нам в номер. Пора было ехать в аэропорт. Не сговариваясь, все поднялись, наскоро собрали нехитрые пожитки и молча вышли на улицу. В машине тоже молчали. Наконец Ратников произнес:

— Черт его знает, как порой невероятно складываются судьбы людские...

Прохоренко, однако, возразил:

— Вы что-то не то говорите, коллега. Судьба, по-твоему, это что ж, от бога, от всевышнего? Чепуха это. Судьбу свою делает сам человек.

— Все это, конечно, верно. Только бывают и исключения. Что, например, можно посоветовать Якову Семеновичу в его ситуации? Я лично такой совет дать не берусь.

Прохоренко пристально, в упор посмотрел на Черновца и не спеша ответил:

— А я берусь и убежден, что прав. Надо гражданину Черновцу-Клячковскому пойти в советское консульство, обрисовать все, как оно было, и слезно попроситься домой. Повинную голову меч, как известно, не сечет. Ведь государство наше гуманное, оно простит, если с ним по-честному...

«Маркиз» покосился на Прохоренко, хотел сказать что-то, но промолчал.

• • •

После знакомства с «Маркизом» в Чикаго прошло много лет. Уже стали тускнеть впечатления, все реже при встречах мы восклицали: а помнишь, а помнишь... Но вот со-

всем недавно позвонил Прохоренко и буквально потребовал, чтобы вечером мы непременно были у него.

— А почему, собственно? Что случилось?

— Вспомним вояж в США.

— Ну, когда это было.

— Ничего, приезжайте, освежим кое-что в памяти.

Встретил нас сам хозяин, в белом фартуке, перепачканный мукой, пахнущий луком и какими-то специями.

— Проходите в столовую. Располагайтесь, как дома. А я еще минут десять провожусь с пельменями, потом присоединюсь.

Все было отлично — и закуски, и пельмени, и все прочее. Но хозяин что-то темнил, то и дело поглядывая на дверь. И когда в передней раздался звонок, он опрометью бросился туда. Вошел он через минуту или две сияющий, довольный и вел за руку... Черновца.

— Вот представляю вам нашего чикагского гида. Когда-то «Яшка-Маркиз», один из кредиторов фирмы Крюков и К°, затем жертва чикагских мазуриков, а отныне вновь полноправный гражданин нашей страны Яков Семенович Клячковский.

Якова Семеновича было трудно узнать. Опрятно одетый, чисто выбритый... Только впалые щеки, почти совсем выцветшие глаза и совсем уже редкий венчик волос напоминали того, чикагского, Черновца.

Мы, конечно, набросились на него и на Прохоренко с расспросами.

Прохоренко поднял руку. В обычной своей немногословной, сдержанной манере проговорил:

— Излагаю тезисно. Яков Семенович внял нашим советам, раскаялся, попросился домой. Незадачливому гастролеру пошли навстречу. Ну, мы тоже помогли, чем могли. Предваряя вопросы, сообщаю, что камушки, спрятанные в тайнике, сданы государству, о чем я и уведомляю официально.

Когда уже съели и выпили все, что было на столе, Клячковский задал вопрос, который мучил не его одного.

— Все мне ясно, ну, буквально все. Но как вы, товарищ Прохоренко, догадались, что есть у меня эти самые камушки в тайнике? Ведь знал-то о них только я сам и ни одна душа больше.

— Интуиция, Яков Семенович, интуиция. Знаю я вашего брата. Без запасных норок на черный день вы не можете. Нет, не можете. Такая уж психология разных там дельцов, валютчиков и прочей нечисти.

Черновец даже поперхнулся от таких нелестных слов. А Прохоренко рассмеялся:

— Вы-то мои слова на свой счет не принимайте. Вы же к этой категории принадлежали в прошлом.

— Да, да, конечно,— торопливо согласился «Маркиз».

— А тебе, Виталий, не приходила в голову мысль переменить профессию? — спросил Ратников.

Прохоренко усмехнулся.

— Нет, не приходила. Мне своя нравится. Сколько дорог, сколько встреч. Самых разных. А порой и вмешательство в судьбы людские. Ну сами посудите — вернуть вот такого прощелыгу на стезю добродетели — разве это не стоящее дело?

— А надолго ли вернули-то вы его? — скептически спросил Ратников.

Прохоренко с усмешкой посмотрел на Клячковского.

— В случае чего поступлю, как Тарас Бульба с Андреем.

Клячковский встал из-за стола, одернул пиджак и с нотками сдерживаемой торжественности произнес:

— Яшка-Маркиз, то есть я хотел сказать Яков Семенович Клячковский, никогда не бросал слов на ветер. Это его всегда отличало от себе подобных. Вы, товарищ Прохоренко, можете быть уверены: ни в помыслах, ни в делах я не отвечу злом на добро. «Маркиза» больше нет. И не будет. Баста.— И уже тише, без патетики, просто и взволнованно закончил: — Хочется остаток дней прожить по-человечески, ходить по улицам, не втягивая голову в плечи, не озираясь по сторонам, не вздрагивать от каждого звонка в дверь и не отводить глаза от людских взглядов.

МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО

Двести первый сезон Большого театра богат новыми спектаклями. И вот еще две премьеры: «Каменный гость» А. Даргомыжского по трагедии А. Пушкина, постановка заслуженного артиста БССР О. Моралева (дирижирует заслуженный артист РСФСР М. Эрмлер), и одноактная музыкальная трагедия «Моцарт и Сальери», написанная также на текст Пушкина Н. Римским-Корсаковым.

...Померк свет. Взмах дирижерской палочки — и могучая музыкальная волна захлестнула зал; мятежные, яркие звуки повествуют о борьбе страстей человеческих, о любви и ненависти, о доброте и зле. Но отзвучала увертюра, раскрылся занавес, и «достигли мы ворот Мадрида», где Дон Жуан, самовольно вернувшийся из ссылки за убийство командора, вспоминает в беседе с Лепорелло былые подвиги, возлюбленных... Роль Дон Жуана великолепно исполняет народный артист СССР В. Атлантов. Его герой удачлив и смел, но, в сущности, несчастен: многие женщины его любили, а он не любил никого; не любит и Лауру — просто развлекает его эта игра в любовь.

У Лауры веселье в разгаре... Народная артистка РСФСР Т. Синявская с блеском исполняет роль гордой и беззаботной красавицы испанки, развлекающей своих гостей песней под перебор гитарных струн. Но вот веселье окончено, все уходят; остался лишь Дон Карлос; однако не долго Лаура остается с ним наедине: стук в дверь — это Дон Жуан. Его поединок с Дон Карлосом сопровождается тревожной музыкой: стальной звон шпаг на фоне беспокойной мелодии. Дон Карлос убит; Лаура в объятиях Дон Жуана.

Второе действие у склепа командора; Дон Жуан, скрыв настоящее имя, говорит Доне Анне о любви к ней. Дону Анну очень непринужденно, искренне, глубоко проникая в психологию героини, играет народная артистка СССР Т. Милашкина. Никогда не знавшая любви Анна, пугаясь новизны и необычности чувства, словно ищет защиты у статуи командора...

Дон Жуан в гостях у Доны Анны. Он открывает ей свое настоящее имя: не хочет лгать любимой. Но счастью не бывать. Стук в дверь, громовые раскаты музыки, алые блики: пришел командор. Дон Жуан протягивает руку гостю, но... «тяжело пожатье каменной его десницы». Дон Жуан гибнет.

...Гений и злодейство — вещи несовместные. Этой трактовке верен режиссер-постановщик «Моцарта и Сальери» Г. Панков (дирижер — Г. Рождественский).

Очень сильную, мощную и волевую натуру открыл нам народный артист СССР Е. Нестеренко, исполнивший свою партию с большим проникновением во внутренний мир Сальери. Ему нелегко решиться на убийство Моцарта, и размышления Сальери поистине трагичны. Всячески пытается он оправдать свой злой замысел, но тщетно; дав Моцарту отраву, Сальери остается наедине со своей совестью... Партия Сальери своей мрачной силой контрастирует со светлым образом Моцарта, созданным народным артистом РСФСР А. Масленниковым.

Возобновленные на сцене ГАБТ произведения составляют целую эпоху в русском и мировом оперном искусстве.

А. ЗВЯГИНА

Дон Жуан — В. Атлантов.

Сальери — Е. Нестеренко, Моцарт — А. Масленников.

Фото Г. Соловьева.

Любовь М. Ю. Лермонтова к «подруге юных дней» Варваре Александровне Лопухиной не привлекла до сих пор заслуженного внимания исследователей, и это несмотря на то, что светлое чувство к Вареньке Лопухиной пронес поэт через всю жизнь. (Об этом я писал в «Огоньке» № 31, 1961 год.) Поэтому особый интерес представляют те новые данные о судьбе В. А. Лопухиной, которые сообщены в публикации С. В. Чекалина, и расшифровка им рисунка М. Ю. Лермонтова.

Н. П. ПАХОМОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР,

НО ВЕРНЫЕ МЕЧТЫ ТОТ ОБРАЗ СОХРАНИЛИ...

«Свадьба». Рисунок М. Ю. Лермонтова.

В. А. Лопухина. Акварель М. Ю. Лермонтова (1835).

«Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не откроет, а они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно дают тайное направление чувствам и поступкам». Эти слова М. Ю. Лермонтова во многом автобиографичны. Таким событием, оставившим неизгладимый след в жизни и творчестве, явилась его любовь к Варваре Александровне Лопухиной, с именем которой связано создание многих лермонтовских произведений.

Знакомство Лермонтова с Лопухиной относится к московскому периоду жизни поэта, когда он учился в университете и жил со своей бабушкой в небольшом доме с мезонином по Малой Молчановке, № 2. Дом этот, немного перестроенный, сохранился и поныне. В соседстве с ним (Большая Молчановка, № 11) жило семейство Лопухиных, с детьми которого Лермонтов был очень дружен. Младшая дочь Лопухиных, Варенька, по словам родственника поэта А. П. Шан-Гирея, была «молоденькой, милой, умной, как день, и в полном смысле восхитительной». Она привлекла Лермонтова искренностью и добротой своей души. Возникшее чувство взаимной симпатии переросло в любовь, которую Лермонтов сохранил до конца жизни. Судьба Вареньки сложилась неудачно. В 1835 году, не дождавшись предложения Лермонтова, она вышла замуж за Н. Ф. Бахметева, человека ограниченного, старше ее почти на 20 лет. Из-за ревности мужа она вынуждена было уничтожить письма поэта, а его рисунки и автографы передала на хранение своей кузине А. М. Верещагиной, жившей в Германии. Тяжелым испытанием для Вареньки явилась весть о трагической гибели Лермонтова. Она ненадолго пережила его, скончавшись в 1851 году, и была похоронена в Москве, в соборе Донского монастыря.

Попытку описать историю взаимоотношений Лермонтова с В. Лопухиной предпринял в конце прошлого века первый биограф поэта П. А. Висковатый, заставший в живых ее родственников и мужа. Но при публикации материалов в то время он был связан обещанием о многом умолчать. К сожалению, архив Висковатого пропал после его смерти, и это молчание затянулось на десятилетия. До сих пор мы мало что знаем о семействе Лопухиных и почти ничего — о Бахметевых, родственниках Вареньки со стороны мужа. А между тем разыскания в этой области могут помочь в толковании некоторых лермонтовских рисунков из альбома В. А. Лопухиной, недавно опубликованных в США и частично воспроизведенных на страницах «Литературной газеты» (№ от 8 октября 1975 года). Альбом этот из архива А. М. Верещагиной попал в США и в настоящее время хранится в Колумбийском университете в Нью-Йорке.

Взглянем на один из лермонтовских рисунков, вклеенный в этот альбом В. А. Лопухиной, очевидно, в период 1835—1838 годов. На рисунке изображены молодая женщина с печальным лицом, похожая на Вареньку (стоит только взглянуть на известную лермонтовскую акварель), и мужчина средних лет с черными усами, преклонившие колени перед двумя священниками и дьячком с кадилом, которых по простоте одеяния можно принять за сельских. За спинами коленопреклоненных — старуха в чепце и расфранченный пожилой барин со взбитым коком, в высоких воротничках, как бы олицетворяющие собой самодовольное благополучие и пустоту барской жизни. Видимо, с тонким умением Лермонтова несколькими штрихами передать в рисунке характерные черты здесь изображена сцена приезда Бахметевых после свадьбы, сыгранной в Москве, в Лопатино, где их встретила богомольная А. И. Нарышкина с гостившим у нее Н. Ф. Голицыным, пожелавшая еще раз благословить молодых и пригласившая для этой цели весь причт Лопатинской церкви. Об этой поездке Лермонтов мог узнать от самой Вареньки или ее сестры, а Н. Ф. Голицына ранее видеть в Москве.

Такая расшифровка лермонтовского рисунка основывается, в частности, на сведениях о Н. Ф. Бахметеве и жизни Вареньки в замужестве, встречающихся в записках М. Д. Бутурлина, опубликованных в журнале «Русский архив» за 1897—1898 годы. Из записок мы узнаем, что Н. Ф. Бахметев вместе с сестрой воспитывался у своей тетки Авдотьи Ивановны Нарышкиной, богатой помещицы, безвыездно жившей в своем имении — селе Лопатине, Тарусского уезда, Калужской губернии. Племянницу свою она выдала замуж за князя Н. Ф. Голицына, а Бахметева сделала своим единственным наследником. Бахметев часто гостил у тетки, и не исключено, что первое известие о смерти Лермонтова, о чем упоминается в сохранившемся письме сестры Лопухиной от 18 сентября 1841 года, Варенька получила, живя в Лопатине. «В Лопатине, в нескольких шагах от дома,— пишет М. Д. Бутурлин,— красовалась каменная теплая и о двух приделах церковь, архитектуры полурококо, принятой во второй половине прошлого века; но она была домовою, а приходская церковь была на Лысой горе, верстах полутора от Лопатина. Так как при этой последней церкви были два священника, то богомольная Авдотья Ивановна назначила годовую плату, чтобы один из них служил ежедневно в Лопатинской церкви, где она каждый день присутствовала у заутрени и обедни». Нарышкина отличалась большим гостеприимством. Длительное время у нее проживал по причине своих московских долгов рано овдовевший Н. Ф. Голицын, представлявший собой «олицетворение до ногтей вельможи старого покроя с утонченными аристократическими приемами (французского, конечно, оттенка), но без всякого чванства и со вкусом прежних бар...»

У Бахметевых была единственная дочь Ольга, родившаяся в 1836 году. П. А. Висковатый сообщает, что «раз только Лермонтов имел случай в третьем месте увидать дочь Варвары Александровны. Он долго ласкал ребенка, потом горько заплакал и вышел в другую комнату... Видеть любимую, страдающую женщину ему было заказано...». Висковатый первым предположил, что под этим впечатлением было написано стихотворение «Ребенку»:

О грезах юности томим
воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным
содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя
смотрю...
О, если б знало ты, как я
тебя люблю!..
...Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? — Увы!
Года летят;
Страдания ее до срока
изменили,
Но верные мечты тот образ
сохранили
В груди моей...

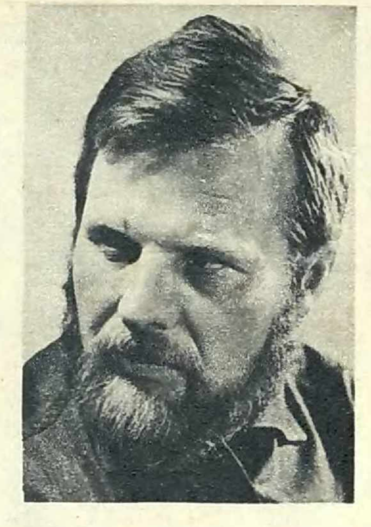
Вероятно, местом, где Лермонтов видел дочь Вареньки, был московский дом Е. А. Базилевской, дружившей с Бахметевыми. По воспоминаниям В. И. Анненковой, в 1839 году она встретила Лермонтова в Москве, на балу в доме Базилевских.

Ольга воспитывалась матерью до 15 лет. В январе 1855 года, уже после смерти Варвары Александровны, она вышла замуж за А. П. Базилевского. Ее сын, Петр Александрович Базилевский, в 1886 году служил ротмистром в лейб-гвардии гусарском полку, где когда-то служил и М. Ю. Лермонтов. У потомков Бахметевых-Базилевских могут сохраниться реликвии, связанные с именами Лермонтова и Лопухиной, в частности, большой масляный портрет В. А. Лопухиной, о котором упоминал Висковатый, видевший его в 1880 году у родственников мужа Варвары Александровны, но, к сожалению, не указавший имени художника, исполнившего его.

С. ЧЕКАЛИН

Алексей МАРКОВ

КВАРТЫ

МЕЛЬНИК

Мельник знай себе работал —
Мелет-мелет день-деньской,
А его судьбину кто-то
Перемалывал другой!

ВЗГЛЯД

Смотрящий вниз увидит жизнь,
Смотрящий вверх уйдет от всех.

СНЫ

Сны великие извечно
Снятся... малым человечкам!

ПРАВОТА

Кто в правоте своей уверен,
Тот в споре не метнется к двери!

ВОСПОМИНАНИЯ

Куриный гомонит гуток:
«Незаменим былой шесток!»

СНОХА

«Достойных не сыскать невест!» —
Так вечно думает свекровь,
Но коль она невестку ест,
То... пьет родного сына кровь!

ВЕРБЛЮД

Металлолом верблюд возил,
Но скоро выбился из сил.
С повозки гайку сняли тут,
И снова двинулся верблюд!

НОСТАЛЬГИЯ

Покуда жил в селе —
Извечно был во зле,
А издали село
Тоской с ума свело!

УСПОКОЕННОСТЬ

Мои под крышею бараны —
Пускай себе свистят бураны!

ПАРОМЩИК

Не спорь с паромщиком, когда
Плывешь —
и в борт стучит вода!

ВОРОНЬЕ

Слух об орле, что мертв,— вранье!
А уж слетелось воронье.

ДВУЛИЧИЕ

Одно лицо у молодца,
Но два лица у подлеца!

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Что-то радостно в груди,
Значит, горе впереди.
Что-то горько на душе,
Значит, счастье ждет уже...

ПЕСНИ

Ты едешь на чужой арбе —
Чужие песни петь тебе!

НЕВЕЗЕНЬЕ

В неудачливого, брат,
Может выстрелить приклад!

БЕСЧЕСТЬЕ

Чем век сносить бесчестья плеть,
Не лучше ль с честью умереть?!

КОГТИ

Если б кошке крылья дать —
Соловьев нам не видать!

ГОРДЕЦ

Посадили в кресло гордеца —
Он родного не узнал отца!

УРОК

Учат нас издревле
Дни-преподаватели:
Бросить хлеб на землю —
Плюнуть в очи матери!

ЗАВИСИМОСТЬ

Кто в хлебе от тебя зависим,
Узнать не суждено того:
Он говорит одно, а мысли
Совсем другие у него!

НЕУТОМИМОСТЬ

Жизнь, как соленая вода,
Пьешь — не напьешься никогда!

КОБРА

Вкус меда не оценит кобра.
Неси дары, но только добрым!

ЦВЕТЫ

Цветок посмотрит на цветок —
Прихорошится сам чуток!

●

Что по уши в грязи свинья,
За то судить ее нельзя,
Но хорошенько дай под дых,
Когда грязнит она других!

●

Как только вспыхнет яркий свет,
Слетится мошкары букет,
Как будто ей зачем-то надо
Загородить его
от взгляда!

●

Кто доброе свершить захочет,
Найдет желанные пути.
Бездельник тем лишь озабочен,
Чтоб оправдание найти!

●

Ему не отвечает эхо,
А он все рявкает. Потеха!

ДОБРОТА

Пусть вымогателям сурово
«Нет!» вымолвят твои уста,
А то для многих доброта
Как будто дойная корова!

ВЫДЕРЖКА

Уметь себя в руках держать —
Вот высшей храбрости печать!

ПОТЕРИ

Потеря ног — куда больней!
Потеря рук — беда не менее!
Но есть потеря тяжелей —
Потеря собственного мнения!

КОНСТРУКТОР

Намеревается осел
Добро из двух составить зол!

СТАРОСТЬ

Осень — высшая награда
Всем прошедшим временам.
Понимать не так ли надо
Старость, что приходит к нам?!

Сцена из спектакля.

Фото Ю. Зенковича

РОЗЫ НА СНЕГУ

Юрий ЗУБКОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР

Глубокое эмоциональное впечатление оставляет это зрелище. Женщины с воображаемыми младенцами на руках бережно и нежно пестуют их, то склоняются, то выпрямляются, одухотворенные и прекрасные, олицетворяющие собою материнство... Впрочем, говоря «зрелище», я вряд ли прав: да, красочная и многоцветная картина эта больше, чем зрелище. Словно оживает в пластике задушевная мелодия, и долгое время не покидает ощущение, что тебе открылось нечто удивительно глубокое, важное; будто ты сам долгое время жил предчувствием этого открытия — и вот оно свершилось...

Картина «Цыганские мадонны» — одна из первых в новом спектакле московского театра «Ромэн» «Мы — цыгане». Поставил этот спектакль Николай Сличенко на основе «литературно-музыкальной фантазии», созданной им в содружестве с И. Ром-Лебедевым. Надежными помощниками в рождении спектакля, богатого и содержательного по мысли, подлинно художественного по форме, стали балетмейстер М. Мартиросян и композитор В. Граховский. Благодаря их усилиям постановка отличается слаженностью актерского исполнения, подлинным стилевым единством, высокой исполнительской культурой.

Говоря о создателях спектакля, было бы несправедливо не назвать художников С. Бархина (оформление), В. Зайцева (костюмы), И. Янковского (свет).

Из глубины веков ведет свое начало цыганский народ. И один за другим оживают на сцене эпизоды его истории. Оживают герои В. Гюго и П. Мериме, А. Пушкина, Л. Толстого, Н. Лескова. Многострадальный, гонимый народ в заключительных эпизодах спектакля обретает родину — Советскую страну. А в час суровой военной годины встает на ее защиту в одном строю со всеми народами социалистической державы...

Театр «Ромэн» пользуется большой популярностью, но, пожалуй, впервые увидели мы образы столь глубокого психологического наполнения, человеческого богатства. Это толстовский Протасов (А. Титов), Кармен (С. Тимофеева), Клод (Е. Максименко)... Можно сказать, что впервые за все годы жизни театра возникли на сцене «Ромэн» характеры столь многоплановые и емкие по мысли, реалистически полнокровные. Многие актеры раскрываются в новом качестве, и это, конечно же, результат вдумчивой, требовательной работы постановочного коллектива, руководимого Н. Сличенко.

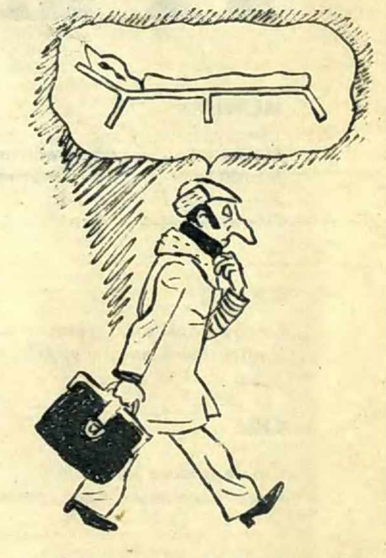
Кульминацией спектакля является исполнение самим Сличенко песни «Я люблю тебя, Россия». Кажется, всю душу вложил певец в эту песню, и ничем не измерить силу ее эмоционального воздействия на зрительный зал. Впечатление громадное...

А. И. Куприн сравнивал цыганские песни с красными розами на снегу. Право, кажется, что это так и есть: каждый эпизод спектакля — ожившие на снегу красные розы...

Презент

В. ЯШИН

ЮМОРЕСКА

Хуже всего приезжать в незнакомый город, если нет гостиничной брони. Некоторый командировочный опыт у Ляпкина был, но все же он оставался человеком нерешительным. И всякий раз, оказавшись один на один с администратором, терялся и не находил нужных слов. А самое главное — не мог вовремя протянуть какой-нибудь заветный сверточек, помогающий иным растопить лед за окошком.

Направляясь сейчас в гостиницу, Ляпкин представлял себе знакомую табличку «Мест нет» и длинный хвост командированных у конторки администратора. Не теша себя иллюзией, Ляпкин решил, что на худой конец вернется на вокзал и переночует где-нибудь в зале. Правда, в холле гостиницы всегда удобные диваны, но страждущих много, а швейцары, как правило, неприступны. В самый последний момент перед отъездом Ляпкин прихватил в портфель коробку конфет и сувенирный набор пепельниц «Еж». Презент, прямо скажем, не ахти. Но все же не с пустыми руками. Ляпкин ни на что большее, чем раскладушка в номере на четверых, не рассчитывал.

Открыв массивную дверь гостиницы, он удивился: в холле было два человека. Ситуация казалась самой безнадежной. Когда есть очередь, есть и надежда. А тут он сразу подумал, что все места заняты участниками какого-нибудь симпозиума. Но все-таки решил испытать судьбу.

За окошком администратора си-

Фото М. САВИНА

ПОЭТ-ХУДОЖНИК

Н. СЕЛЕЗНЕВ, кандидат искусствоведения, доцент

Лет шестнадцать назад в мастерских Московского высшего художественно - промышленного училища появился Виктор Михайлович Гончаров. Помню, я был вынужден подойти к нему и попросить как можно мягче: «А не лучше ли вам приходить сюда, когда нет занятий?» «Почему это? Что я, мешаю?» «Да нет... Но смеются студенты над тем, что вы делаете». Гончаров улыбнулся: «Пусть себе...» И продолжал работать во время занятий. Однажды он принес в мастерскую мочалку-люфу. Разрезал ее вдоль, вывернул и сшил. А потом попросил снять с этого колючего чудовища форму. Мастер сказал, что это невозможно. «Как невозможно?» И тут же, на наших глазах, Виктор Михайлович окунул эту выворотку в жидкий гипс. И мочалка оказалась готовой для снятия формы. На удивление всем, у него получилась потом выразительная и оригинальная декоративная ваза. Ее фактура была неповторима, такую руками не сделаешь.

Работал у нас Виктор Михайлович несколько месяцев. Он подружился со всем коллективом преподавателей и мастеров. Отношение к нему изменилось, насмешливые улыбки исчезли. Все мы, начиная с профессора В. А. Ватагина и кончая студентами, живо интересовались его работами, радовались его выставке в Доме литераторов, смотрели в нашем актовом зале фильм о его творчест-

дела миловидная молодая женщина.

— Вы приезжий?— с улыбкой спросила она.

— Да.

— Хотите у нас остановиться?

Вопрос показался Ляпкину странным, и он в первую минуту не нашелся, что ответить.

— Хотелось бы,— неуверенно произнес он и на всякий случай расстегнул портфель...

— Пожалуйста, возьмите бланк.

Такого с ним еще не бывало! Дрожащими руками Ляпкин заполнил бланк и с тоской подумал, что здесь коробкой конфет и набором пепельниц не отделаешься. Вытащив презент из портфеля, он протянул его вместе с бланком администратору и внутренне весь сжался.

— Что это?— сурово спросила женщина.

— Конфеты,— дрожащим голосом ответил Ляпкин.

— А это?

— Еж.

— Какой еж?

— Сувенирный.

— Вам не стыдно, гражданин?— возмутилась администратор.— Уберите! Я не могу принимать подарки от незнакомых людей! И, кроме того, не люблю конфеты и ежей.

Последние слова доконали Ляпкина. В душе он отчаянно ругал себя за жадность. Ведь мог бы купить французские духи, советовали же. Коробочка маленькая, но какой презент! А со своими жалкими сувенирами он, естественно, вызвал насмешку. И поделом!

Засунув коробку и сувенирный набор в портфель, Ляпкин пробормотал: «Извините». И направился к выходу.

— Постойте, куда же вы?— обратилась к нему администратор.

— На вокзал,— ответил подавленный Ляпкин.

— Разве вы не хотите у нас остановиться?

— Хо...чу.

— Так, пожалуйста. У нас есть свободный одноместный номер.

Мучительно соображая что к чему, Ляпкин произнес:

— Мне бы раскладушечку, я был бы весьма признателен...

— Вы меня не поняли? Повторяю, у нас есть одноместный номер.

Ляпкин закрыл глаза. Невероятно! Здесь наверняка что-то кроется. А может, она над ним просто издевается?

— Послушайте, девушка,— осмелел он,— за кого вы меня принимаете?

— То есть как за кого?

— А так! Я вам не народный артист и не лауреат международного конкурса! И номера мне вашего не нужно! Я ведь просил только раскладушку.

— Честное слово, я вас не пойму. У нас в гостинице нет раскладушек. Я вам предлагаю одноместный...

— До свидания!— возмущенно бросил ей Ляпкин и отправился ночевать на вокзал.

ве — «След человеческий», снятый Центральным телевидением.

За годы нашего знакомства я несколько раз приводил разные группы студентов к Виктору Михайловичу. И не было человека, который остался бы безучастным, беззвучным к тому, что он делал. Творческий огонь буйствует в этом человеке, открывшем новые эстетические пласты не только в поэзии, но и в изобразительном искусстве. К нему тянутся сердца.

Виктор Гончаров — многоплановый, многогранный художник. Поэт, у которого около тридцати сборников, основатель нового поэтического жанра — лады. Его книги, написанные именно в этом жанре, в среде людей искусства пользуются особым вниманием, потому что они о формировании художественного мышления, об истоках искусства и о его понимании. Все это обогащает его собственное художественное творчество, способствует воплощению замыслов в разных формах, разных жанрах изобразительного искусства.

В работе Гончарова — увлеченность мастера, который при всем своем умении будет до конца дней учиться. Для него главное не «я могу», а «я буду уметь». Его произведения всегда неожиданны и обладают способностью передать и тебе частицу своего заряда, возбуждают и твою творческую фантазию.

Помню, в конце пятидесятых годов появилась его замечательная резьба по косточкам фруктовых деревьев. О ней много говорили, равнодушных не было, все радовались возникновению целого мира удивительных образов в необычном материале. В этих миниатюрных изображениях содержались большие обобщения.

Как всякого истинного художника, Виктора Михайловича волнуют проблемы, поставленные нашим временем... Вспомните его «Хиросиму». Из обожженных, расплавленных кирпичей поднимается искалеченная фигура женщины. На груди у нее мертвый ребенок. Больная рука вскинута к небу. Это словно сама Хиросима.

Есть выражение: «К хорошему человеку — и природа с душой». Она щедро раскрывает свою красоту перед восторженной душой Виктора Гончарова. Этому мастеру присуща высокая культура понимания материала, он умеет смотреть на него как на слагаемое художественного процесса. Камень, дерево, глина помогают ему в пластической форме передать то, что лежит в основе замысла, он подчиняет материал своим мыслям, своему пониманию красоты. Случай, или, вернее, пример с вывернутой люфой, с формой из нее, а затем и декоративной вазой открыл нам новые возможности в керамике.

Произведения Виктора Гончарова жизнеутверждающи, как сама природа. В них характер автора, его философия, его биография, его руки рабочего, его опаленное войной сердце фронтовика. Он постоянно ездит по стране, встречается с читателями. Во всех его работах, в живописных сериях «Дорогами БАМа» и «Москва ранняя» не красивость, а философское звучание образов, социальная заостренность.

Жизнь и творчество В. М. Гончарова едины. Самое важное для него — это движение к совершенству. Его творчество — прекрасный пример для молодых художников, которые всегда должны помнить, что душа подлинного творца не может быть ограждена стенами мастерской от жизни поколения, от сограждан, от Родины.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Английский писатель XIX века. 8. Русский архитектор, построивший Казанский собор в Петербурге. 10. Специалист по подводным работам. 11. Загадка. 12. Актер МХАТа, народный артист СССР. 14. Площадка для цирковых представлений. 16. Роман О. Гончара. 18. Самый большой остров в Малой Курильской гряде. 19. Раздел лингвистики. 22. Спортивная игра. 23. Прерывистая линия. 24. Эстрадная пьеса шутливого содержания. 28. Южное вечнозеленое дерево. 29. Яркая звезда в созвездии Ориона. 30. Украинский духовой инструмент. 31. Отрасль геологии. 32. Помощник хирурга при операциях.

По вертикали: 1. Порт в Норвегии. 2. Чилийский поэт. 3. Северная ягода. 4. Экипаж судна. 5. Ископаемая смола хвойных растений. 6. Самопишущий прибор для регистрации влажности воздуха. 9. Газетно-журнальный жанр. 13. Французский композитор. 15. Повесть Н. В. Гоголя. 17. Дипломатический ранг. 18. Металлическая форма для изготовления деталей давлением. 20. Водитель сельскохозяйственной машины. 21. Герой книг Д. Родари. 24. Знойный ветер. 25. Поэма М. Ю. Лермонтова. 26. Синтетическое волокно. 27. Река в Иркутской области и Красноярском крае.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 5. Стенолаз. 6. Сундукян. 9. Небраска. 10. Апостроф. 11. Кабардинка. 14. Ураган. 15. Карбас. 17. Тоника. 18. «Провинциалка». 21. Реестр. 22. Романс. 25. Мотель. 28. Фокстерьер. 29. Гипотеза. 30. Акустика. 31. «Громобой». 32. Акварель.

По вертикали: 1. Репертуар. 2. Рассказ. 3. Лукошко. 4. Склонение. 7. Канада. 8. Калина. 12. Карпаты. 13. Початок. 15. Ковер. 16. Сфакс. 19. Телевизор. 20. Бересклет. 23. Оссиан. 24. Нарвал. 26. Поленов. 27. «Дедушка».

На первой странице обложки: Сергей Павлович Королев и Юрий Алексеевич Гагарин. Год 1961-й.

Фото А. Сергеева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

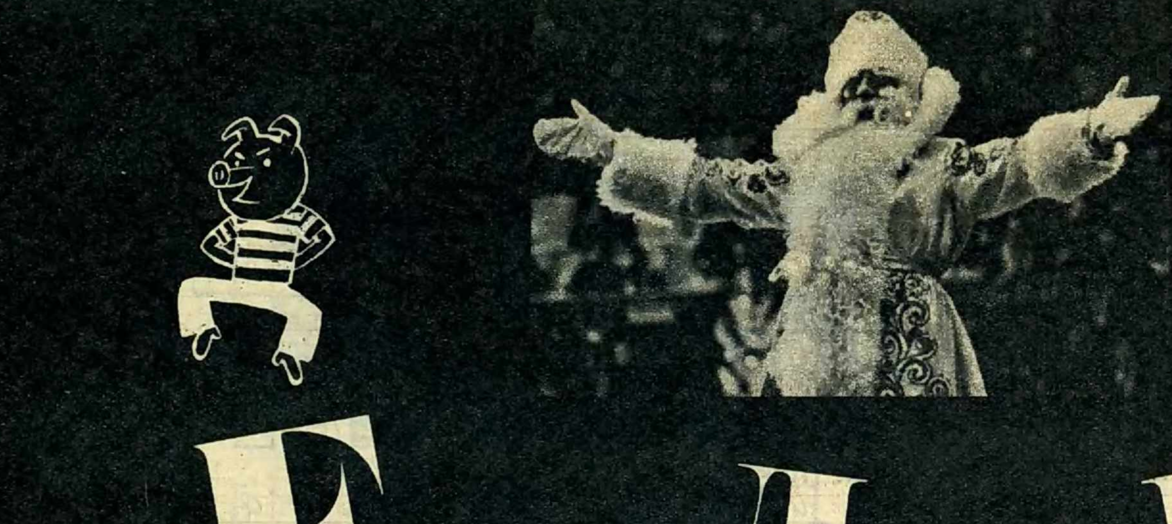
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/XII — 1976 г. А 08222. Подп. к печ. 4/I — 1977 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 29. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 3180.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЕЛКА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

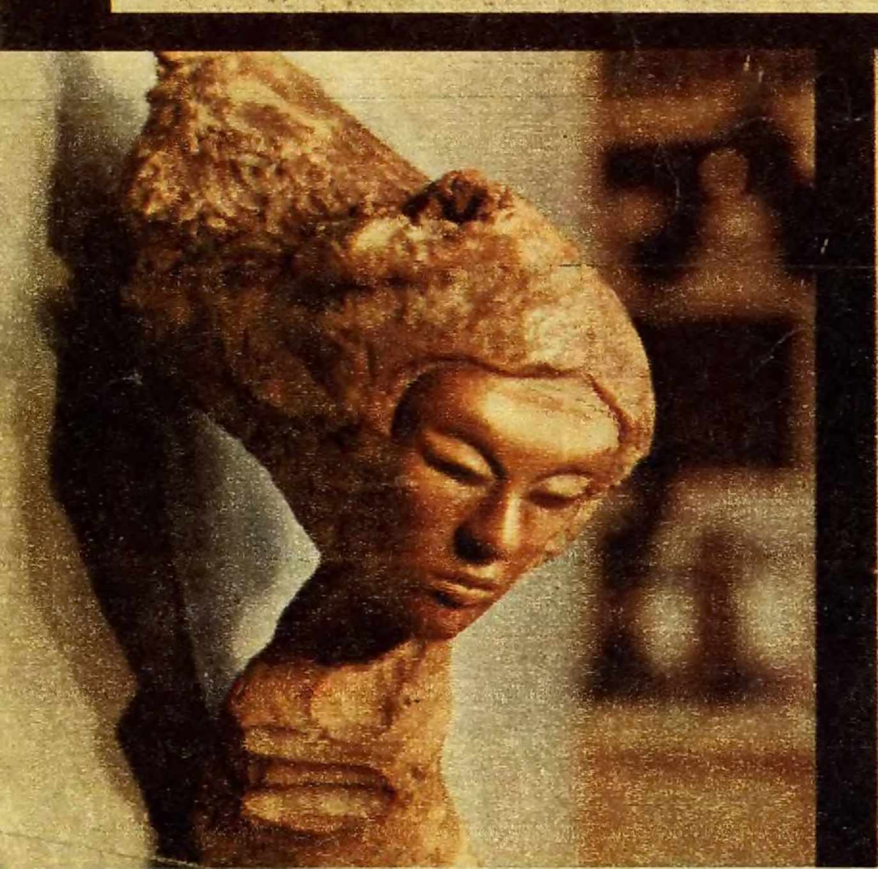

ПРИШЛА

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663